ЯНА КАЛЯЕВА

1918

БЕЛЫЙ СЕВЕР

Яна Каляева
Белый Север. 1918

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71545624
SelfPub; 2025

Аннотация

Обычный парень Максим переносится в 1918 год и сразу оказывается в сердце заговора, направленного на свержение Советской власти в Архангельске – а там, быть может, и по всей стране. Сумеют ли монархисты и эсеры, политики и военные, богачи и бедняки во имя будущего России преодолеть свои разногласия? Иностранные союзники помогут возродить русскую армию или интервенция перейдет в оккупацию? Удастся ли избежать террора и диктатуры?

Изменит ли наш современник историю Гражданской войны? И насколько для этого придется измениться ему самому?

Содержание

Глава 1. Конспирация, едрить ее налево 4
Глава 2. Но пускай будет и историческое значение 14
Глава 3. Подобно Минину и Пожарскому 26
Глава 4. И прочие непонятные иностранные штуки 36
Глава 5. Дискуссия о цели жизни 51
Глава 6. Побочный эффект мировой войны 64
Глава 7. Токсичные отношения в команде 77
Глава 8. Всем оставаться на классовых позициях! 89
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Яна Каляева
Белый Север. 1918

Глава 1. Конспирация, едрить ее налево

Июль 1918 года

– Товарищ Ростиславцев, едрить твою налево! Пошто вылупился, как баран на новые ворота? – орал на Максима незнакомый коротышка. – Кого тут ждешь, чекистов? А они-то тебя как заждались! А ну, давай в дом! Пошевеливайся!

Коротышка выскочил из некрашенного двухэтажного дома, на который Максим действительно уже с минуту тупо смотрел, силясь сообразить, как же он попал на эту грязную деревенскую улицу. Последнее, что удавалось вспомнить – визг тормозов на парковке бизнес-центра… а теперь он здесь.

Суетливо оглянувшись по сторонам, коротышка схватил Максима за плечо и решительно втянул в калитку. Выглядел он перепуганным и совершенно безобидным, потому Максим счел за лучшее последовать за ним. На третьем шаге поскользнулся – обувь была чужая, сапоги совершенно не фик-

сировали голеностоп. Коротышка успел подхватить Максима под локоть, чем спас от позорного падения в покрывающую двор жирную грязь.

Под возмущенное кудахтанье кур и под презрительным взглядом свиньи они пересекли двор и поднялись на невысокое крыльцо с торца дома. Ржавые дверные петли противно скрипнули. Пришлось изрядно сгорбиться, чтобы не приложиться головой о притолоку. За дверью оказалась обшарпанная комнатушка с деревянной мебелью.

– Вот тут я и квартирую, – энергично жестикулируя, пояснил коротышка. – Обстановка дрянь, зато вход отдельный. Боялся, ты дом по адресу не сыщешь, тут ведь дома нумеровали еще при царе Горохе… А ты дом-то нашел, зато после встал перед ним как вкопанный, нет бы сразу войти… я извелся весь, на тебя глядючи. Ладно хоть товарищи карточку твою показывали, поэтому признал тебя, а так решил бы – баста, засекла Чрезвычайка нашу явку! Хорошо, сенокос в разгаре, соседи все в полях… Так будем знакомы, – коротышка улыбнулся щербатым ртом и протянул грязноватую ладонь. Максим машинально пожал ее и подавил желание вытереть руку о штаны. – Я Бечин, Михаил, можно просто Миха. Сам не местный, архангельский. А ты Максим Ростиславцев, так?

Максим растеряно кивнул. Он действительно всю жизнь был Ростиславцевым, вот только коротышку Миху видел впервые и ни по какому адресу этот дом не искал – просто

оказался вдруг напротив него. Какая карточка, какие еще товарищи?

– Да ты сядь, в ногах правды нет!

Миха махнул на скамью и сам бухнулся на топчан, но тут же вскочил и возбужденно забегал по комнате. Максим, чуть поколебавшись, сел. Он и правда чувствовал себя усталым. Ноги гудели, голова шла кругом.

– Давай сразу к делу, а? – выпалил Миха. – Бумаги для консула при тебе? И золото?

Максим на всякий случай кивнул, хотя понятия не имел, о чем речь.

– Аллилуйя! – Миха комично воздел руки к низкому потолку. – Наконец-то Чаплин, Бонапарт наш губернского разлива, сможет легализоваться и в кои-то веки начать действовать! А то он уже сверг власть Советов по всей области и комиссаров на фонарях перевешал – правда, пока только мысленным путем. Потому как без документов ему кирдык, того-этого. От него царским офицером несет за версту, вот он носа на улицу и не кажет. Сам извелся уже от безделья и товарищей всех извел.

Максим глубоко вздохнул. Болтовня суетливого Михи начала изрядно утомлять. Да и одет он странно – молодой вроде мужик, а шмот дедовский какой-то… Наверно, сельский алкаш, словил белочку и бредит. Хотя перегаром не пахнет вроде. Может, шизофреник? Зря Максим вообще к нему зашел, как бы драться не полез, мало ли чего ему сейчас при-

мерещится…

Вот только откуда этот псих знает его фамилию? И почему на самом Максиме почти такой же шмот? Кто-то его переодел и вывез в богом забытую деревню, пока он в отключке валялся? Максим хлопнул себя по левому нагрудному карману, где всегда носил смартфон. Смартфона там не оказалось, зато лежали какие-то бумаги… Ну допустим, ограбили, но еще и подбросили что-то? Пора валить из этой дыры, найти транспорт, или даже сразу полицию…

– Не обессудь, братец, мне на работу надо бежать, – продолжал тараторить Миха. – Я тут на лесопильный завод пристроился. Так пока тебя ждал, три дня там не появлялся. Изоврался весь, столько придуманных тетушек перехоронил, сколько у человека и не бывает. Если сегодня не появлюсь, точно кого другого примут на мое место. Свергнуть кровавых большевиков – оно, конечно, дивно и прелестно, ну да это еще когда, а жрать охота каждый божий день.

Максим открыл было рот, чтобы сказать, что большевиков уже благополучно свергли в девяносто первом. Закрыл рот. Дурное это дело – спорить с психом. Хорошо, тот вроде сам уходить собрался…

Миха извлек из древнего шкафа щетку и принялся очищать засаленный пиджак – готовился, видать, к выходу. Нести взахлеб свою бредятину он при этом не переставал:

– А к нашему, того-этого, военному вождю, уже какой ни есть, в ночи выдвинемся. Конспирация, едрить ее налево…

Хорошо, тут на Вологодчине темно ночами, у нас-то в Архангельске сейчас не темнеет толком, так, хмарь одна. А ты отдохни пока с дороги. Вот, поспать можно на моем топчанчике, ежели не побрезгуешь. Хлеба с колбасой я для тебя припас, – Миха махнул в сторону полки. – Можешь самовар взбодрить, вода вон в ведре… Только со двора не выходи, неровен час кто стуканет в Чеку, мало ли… Нужник, того-этого, за домом справа, звиняй, водопровода с электричеством нету тут. Все, побёг я. Бывай, товарищ Ростиславцев!

Когда за добродушным психом закрылась дверь, Максим выдохнул с облегчением. Подумал было сразу покинуть халупу, но пересекаться с Михой на улице не хотелось. И еще накатила усталость, словно после дневного перехода по горам. Зверски хотелось есть, а ведь вроде обедал в офисной столовой сегодня… да вот, не похоже, что это было сегодня. Сколько же прошло времени? Ногти словно обгрызены, под ними черные полоски грязи. Да и волосы отросли до шеи… Так, а сколько приемов таблеток он пропустил? Только синдрома отмены еще не хватало…

Объедать явно нищего и при том, похоже, все-таки безобидного Миху было неловко, и Максим обещал себе, что найдет способ перевести ему денег. С дровяным ретро-самоваром возиться не стал, просто попил воды. Хлеб и колбаса с голодухи показались невероятно вкусными, вот только купили их явно не в сельпо… Бывшая жена Максима была помешана на здоровом питании, она постоянно заказывала за

бешеные деньги натуральные продукты – и снедь сельского дурачка Михи оказалась на удивление на них похожа.

Из единственного маленького окна открывался вид на долгий ряд бревенчатых домиков, окруженных куцыми огородами. Не такая уж маленькая деревня. По улице проковылял бородатый старик в ватнике, за ним – статная женщина в длинной юбке и с ведрами на, господи, настоящем коромысле. И ни одной машины, да что там – ни единой антенны. Староверы или еще какие сектанты? Час от часу не легче…

Пора было выбираться в цивилизацию, но Максим решил сперва проверить, что такое ему напихали в карманы, а то вдруг придется объясняться с полицией… Расстегнул длинное, ниже колен, легкое пальто с крупными пуговицами – они шли не по центру, а от левого плеча. В памяти всплыло слово “поддёвка”. Не сразу нашел внутренний карман, набитый бумагой. Солидная пачка красных купюр… номинал – “сорокъ рублей”. Даже для шуточной подделки из ларька как-то слишком уж грубо отпечатано. Конверт из серой бумаги. Максим торопливо вскрыл его и достал письмо, написанное от руки на чистейшем английском языке. Всмотрелся в бумагу, привыкая к четкому и изящному, но несколько выпендрежному, “под старину”, почерку, и перевел:

“Британскому консулу в городе Архангельске мистеру Дугласу Янгу.

Приказываю незамедлительно выдать паспорт взамен

утраченного подданному Его Величества капитану британской военной миссии Джорджу Томпсону.

Генеральный консул Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии сэр…” далее сложная подпись и алая гербовая печать. Дата… 12 июня 1918 года.

Максим проморгался. Для деревенской гопоты это было уже чересчур. Оверкилл, как говаривали младшие коллеги. Одно дело – грабануть невесть как оказавшегося здесь московского менеджера и по приколу переодеть его в дедово шмотье. И совсем другое – такие артефакты… Документ, конечно же, не мог быть подлинником – слишком новая бумага. Но стилизация выполнена качественно, явно поработал человек знающий и увлеченный.

Последней Максим извлек синюю книжечку – вроде бы паспорт, хотя больше нормального раза в полтора. Под надписью ПАСПОРТНАЯ КНИЖКА – черный прямоугольник, сверху от руки вписано “Безсрочная”… надо же, орфографические ошибки, ну точно простенькая подделка. “Выдана Вознесенским волостным правлением 3 мая 1912 года. Владелец – “Максимъ Сергѣевичъ Ростиславцевъ”. Дата рождения – 21 июля 1887 года”. Почти угадали, всего-то на сто лет и 13 дней ошиблись – Максим родился в 1987 году, второго августа – в день ВДВ, всю жизнь два праздника в одном, хотя второй не имел к нему никакого отношения, да и первый отмечать с каждым прожитым годом хотелось все меньше. Или подождите… тринадцать дней… двадцать первое июля

– это же и есть второе августа, только по новому стилю.

Максим вытер со лба выступивший пот и привалился к бревенчатой стене. Именно эта деталь убедила, что происходящее – не розыгрыш, не квест-рум какой-нибудь, заказанный друзьями шутки ради. Да и нет у него друзей, которые могли бы отправить его в такой дорогой и изощренный квест-рум. Впрочем, в последние годы контакт с друзьями как-то потерялся, времени на общение не хватало из-за работы… Ладно, допустим, письмо якобы консула могло попасть сюда случайно с какой-нибудь ролевой игры, или его сперли из краеведческого музея. Но паспортная книжка с его, Максима, данными с ошибкой в сто лет…

Максим поерзал, пытаясь удобнее усесться на скамье, и тут что-то чувствительно впилось ему в бедро – не острое, но чертовски жесткое. Машинально вскочил и осмотрел деревянную поверхность: на ней ничего не было. Ну не могло же ему померещиться? И этот звук… будто от резкого движения в одежде что-то звякнуло. Максим стянул поддёвку и ощупал ее. Между сукном и подкладкой было зашито что-то круглое, да не одно – десяток… нет, больше. Максим нашел на полке с посудой ножик, насколько смог аккуратно взрезал подкладку и вытащил крупную монету. На одной стороне – сложный четырехчастный герб, на другой – женский профиль. Британский соверен. Золото.

Это уже точно не было ограблением, да и на розыгрыш походило мало. Воспоминание маячило на самой грани вос-

приятия, ускользающее от осознания, как сон, когда пытаешься вспомнить его за завтраком. Что-то же произошло между визгом тормозов на парковке и этим невзрачным домом, на который он таращился… Максим глубоко вздохнул и заставил себя сосредоточиться на воспоминании, как на неприятной рабочей задаче.

Визг тормозов… Удар. Боль. Темнота. Вот оно как, Максим Сергеевич…

Максим нашел глазами мятый жестяной умывальник и мутное зеркало над ним. Подошел на внезапно ослабевших ногах. Увидел собственную скучную физиономию, и родинка на шее на месте… да ничего не поменялось, все как обычно. И вот именно это “как обычно” и было необычно. Он попрежнему чувствовал себя усталым, разбитым даже… но ничего сверх того. Никаких травм, переломов, гематом. Провел рукой по затылку – ни раны, ни хотя бы шишки. А ведь было бы ясно-понятно – авария, сотрясение мозга, потеря памяти… нет, не складывается.

Максим на несколько секунд прикрыл глаза. Потом снова схватил паспорт и принялся листать в поисках сведений… что же это выходит, о себе? О здешнем Максиме Ростиславцеве. Фиолетовые чернила изрядно выцвели, почерк у отечественного чиновника был куда небрежнее, чем у британского консула, и твердые знаки эти дурацкие еще… Но с грехом пополам разобрать можно. Звание – “мещанинъ”, ну допустим. Вероисповедание – “православное”, да и бог с ним.

Отношение к воинской повинности – “не военнообязанный”, слава макаронному монстру. Род занятий – “конторскій служащій”, хоть тут ничего не поменялось. Состоит или состоял ли в браке – “состоитъ”, вот еще новости. Максим из двадцать первого века давно развелся, но в Империи с этим, очевидно, было посложнее.

Так куда же ты, Максим Сергеевич, попал? Миха упоминал Архангельск, это, кажется, на Каспийском море? Нет, Астрахань на Каспийском море, а Архангельск – это севера… но сейчас они вроде где-то еще, не вспомнить теперь. И есть, похоже, более актуальный вопрос, хоть он и с трудом укладывается в голове – в когда ты попал? Письмо консула от 1918 года, и вряд ли оно старое, раз его ждали… Максим огляделся и приметил среди пыльного хлама на полке газету – мятую, но не древнюю. “Извѣстія Вологодскаго Губернскаго Совѣта Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ”… Пятница, 2 июля 1918 года.

Гражданская война.

Колени подогнулись, Максим опустился на Михин топчан. Сонливость навалилась, как обморок, защищая психику от избытка впечатлений. Едва стянув сапоги, Максим заснул.

Глава 2. Но пускай будет и историческое значение

Июль 1918 года

– О, я продрог, как собака, а ты как раз чаек сообразил, – радовался ввалившийся в комнату Миха. – Спасибо, товарищ. Ты, я смотрю, оклемался слеганца? Пришел-то сюда, будто пыльным мешком стукнутый. Я уж засомневался, того-этого, все ли ладно с тобой…

– Это я с дороги уставший был, – пояснил Максим, наливая хозяину чай в мятую жестяную кружку. – Шутка ли, почти трое суток без сна. Сейчас вздремнул тут у тебя, и в голове прояснилось.

Про трое суток он, конечно, выдумал на ходу, а вот про голову не соврал. Несколько часов сна на нечистом Михином топчане здорово помогли сосредоточиться. Укладывая щепки в топочной камере самовара, Максим одновременно упорядочивал факты и соображения. Рассмотрел снова гипотезы про сотрясение мозга, про деревню сектантов, про квеструм… Последовательно отбросил все: факты в них не укладывались. Естественная обшарпанность пыльной Михиной комнаты красноречиво свидетельствовала против любой реконструкции. Ясно-понятно…

Чувствовал себя Максим хорошо – синдрома отмены, то есть резкой слабости, как обычно при пропуске приема антидепрессантов, не было и следа. Осмотрев себя, Максим не обнаружил старого шрама на большом пальце левой ноги – лет десять назад купался в шторм и поранился острым камнем – зато нашел два других шрама, даже еще более старых, которых не было вчера.

В Бога и в загробную жизнь Максим никогда толком не верил, но хотелось надеяться, что как-то все не напрасно, что ли. Конечно, Гражданка – не то время, которое кто-то в здравом уме выбрал бы для жизни. Но ведь Максим оказался здесь, да еще в шкуре своего полного тезки, по какой-то причине.

С другой стороны… у него есть документы и деньги. Едва ли цветные бумажки чего-то стоят, а вот британское золото – это надежно. Наверняка можно выбраться в Финляндию… нет, там вроде тоже война… ну, в Норвегию какую-нибудь. Максим превосходно знает английский, за плечами десять лет опыта управления предприятием – не пропадет. Устроится не хуже, чем в родном времени. И… так никогда и не узнает, зачем оказался в этой глуши и какие возможности изменить судьбу страны упустил. Нет, идея эмиграции ради лучшей жизни и в двадцать первом веке была ему неблизка.

И главное – он же попал на правильную сторону! Миха, которого Максим больше не держал за безумца, явно говорил о каком-то плане по свержению большевиков. Как

знать, может, именно здесь Максим должен сыграть значимую роль?

К своему стыду, историю Гражданской войны Максим знал из рук вон плохо, никогда толком не интересовался ею – так, просматривал иногда, что попадалось на глаза в пабликах. По ним выходило, что белые воевали за царя и возрождение старых порядков, а большевики – за кровавую диктатуру. Поэтому Максим всегда полагал победу большевиков чудовищной ошибкой. Но все-таки как так вышло, что люди пошли за ними? Наверно, им всех удалось обмануть. Еще там крутились какие-то эсеры, кадеты, эсдеки и прочая шушера с малопонятными целями и методами, но о них в пабликах практически не писали – ведь героические образы белых офицеров и картины кровавых большевистских зверств вызывали у подписчиков куда больше эмоций, а следовательно, лайков и комментов. Максим знал, что большинство людей судит о чем угодно по подборкам эмоционально заряженных фактов, комфортно укладывающихся в их картину мира, и что сам он – не исключение. Поэтому теперь в Гражданке и столкнувшихся в ней силах придется разбираться вживую.

Про бои на Дону, за Перекоп и про Ледовый поход Максим что-то все же читал, а вот про Архангельскую губернию ничего не мог припомнить. Кажется, здесь высаживались то ли англичане, то ли американцы, но с непонятными целями и ненадолго. И еще в памяти всплывало слово “Мудьюг”, оно

ассоциировалось с чем-то страшным – должно быть, очередное большевистское зверство.

Так или иначе, раз уж Максим здесь, он сделает все от него зависящее, чтобы исправить ситуацию – или погибнет, пытаясь сделать это, вот и все.

Сперва надо выяснить обстановку у этого Михи, только вопросы задавать аккуратно, чтобы не выдать своей неосведомленности. Впрочем, Миха оказался из тех, кого не разговорить сложно, а наоборот – заткнуть.

– Вот стемнеет через полчасика, и пойдем к нашему, того-этого, отважному военному вождю. Авось он там не лопнул еще от переизбытка патриотизма, – Миха откусил от осколка сахарной головы и от души глотнул чая. – Ты только, ради всего святого, не вздумай спрашивать Чаплина, не родственник ли он комику этому американскому. Все, конечно, спрашивают. Он с этого бесится, мочи нет в третий раз выслушивать про его древний дворянский род. А ты сам-то из кого будешь, на какой стоишь платформе? Из эсеров?

Про эсеров Максим помнил только, что они были террористами. Но Миха спросил так буднично, словно ничего ужасного в этом не видел.

– Не вполне, но близко к тому, – ответил Максим уклончиво и тут же перевел стрелки. – А ты?

– А я эсдек, – охотно сообщил Миха. – Теперь лучше говорить “меньшевик”, чтобы, значит, решительно отмежеваться от наших больше-не-товарищей. У истоков профсою-

за портовых рабочих стоял, права работяг отстаивал в честной борьбе, обычно более-менее законными методами… в общих чертах. И даже при царе кое-чего добивались, а уж после февраля-то и вовсе, почитай, жизнь началась. До самых большевиков.

– А чего большевики у вас наворотили?

– Да эти мрази же как действуют? Быстренько те Советы, где большинства не набрали, поразгоняли. И профсоюз наш тоже. А чтобы уже совсем всех допечь, мобилизацию сейчас проводят, это в разгар сенокоса-то. Хлеба и мира обещали, а на деле что? Шиш без масла. Ну и когда с нами связался этот “Союз возрождения России”, мы стали ему, того-этого, содействовать. Вот товарищи меня в Вологду отправили, чтобы я какую ни есть помощь против гнид большевистских к нам привел. Хоть офицерье, хоть англичан, хоть черта в ступе. Покамест у Чаплина на побегушках – принеси, подай, связного встреть… У меня этот капитан с его поруганной честью Отечества в печенках уже сидит, а деваться некуда.

– Отчего же, – осторожно спросил Максим, – некуда?

Миха почесал круглую коротко стриженую голову.

– Не из наших ты мест, Максимко, и главной северной беды не понимаешь. У нас в Архангельской губернии что есть? Лес, рыба и главное – порты, торговля. Доска, треска и тоска, в общем. А чего нету, так это хлеба – земля родит плохо. Издавна зависим от поставок с юга, с востока или по морю. От большевиков хлеба не дождешься, наоборот, рекви-

зировать норовят, как они говорят, “излишки”. У нас цинга уже по уездам, а этим иродам – “излишки”! Раньше-то хлеб Пермь-Котласской дорогой везли из Сибири, по четыре рубля за мешок шел… а теперь там бои, говорят, чуть не на каждой станции. Выходит, вся надежда на подвоз хлеба по морю, из-за границы. Иначе не перезимуем, с голоду перемрем.

– Так вам помощь Антанты нужна? При чем же тут этот Чаплин?

– Да как бы тебе объяснить, Максимко… – Миха тяжело вздохнул и почесал в затылке. – Большевиков-то мы и без всякого этого “Союза возрождения” сковырнуть можем. Они у нас на Севере силы никогда не имели, так, латыши ссыльные между собой чего-то лопотали, по-русски не говорили даже. Сейчас, ясен перец, наприсылали из Москвы комиссаров, да сколько их – плюнуть да растереть. Три тысячи штыков у них, но все больше силком мобилизованные, что они, соседей своих станут резать по приказу пришлой сволочи? Да ни в жисть.

– Так за чем дело стало?

– Ну свергнем мы большевиков, дык а дальше-то что, Максимко? Мы, поморы, для союзничков – туземцы, мумба-юмба. С нами они дел вести не станут. Зайдут в порт, склады свои эвакуируют – у них там много всего против немца хранится – и поминай как звали. Может, пограбят и понасильничают еще по дороге. А нам-то хлеб нужен. Военная помощь против Красной армии опять же. Мы даже желез-

ку своими силами не починим! Вот тут Чаплин и пригодятся. Он на подводной лодке британской служил, для англичан свой, союзник против немцев. Ему-то они сразу золото нашли на переворот, а нам бы медяшки не подали. Опять же, офицерье сейчас толпами на Север бежит от Советов. Организовать бы их для нашей защиты, но разве они нас, мужичье сиволапое, послушают? А в одиночку против большевиков не выстоять.

– Ясно-понятно… Дело говоришь! – одобрил Максим, припоминая, что одной из причин поражения Белого движения была его разобщенность и отчужденность от народа. И, похоже, эту тенденцию вполне реально переломить.

– А то ж! Мы, поморы, не лаптем щи хлебаем. За себя постоять умеем. Скоро познакомлю тебя с товарищами, сам увидишь!

Миха по-мальчишески улыбнулся, подскочил к зеркалу и принялся так и эдак натягивать картуз на круглую голову. Его никак нельзя было назвать красавцем, но живость и подвижность придавали ему определенное обаяние.

– Собирайся, темнее уже не будет. Пора к нашему, так сказать, вождю… Стрелять умеешь?

Миха забросил в ящик комода одежную щетку и оттуда же достал два револьвера, один протянул Максиму.

– Не доводилось…

Револьвер был довольно тяжелый, однако в руку лег как влитой – словно всегда там был. Вроде наган, припомнил

Максим просмотренные когда-то в интернете картинки.

– Вот и мне не доводилось, – вздохнул Миха. – Предпочитаю мирную борьбу за права, того-этого, трудящихся. Но время такое… Чаплин велел при оружии быть. Простой солдатский наган. Говорят, надежная вещь. Смотри, предохранителя нет, надо курок взвести, вот эта штучка, и потом уже жать на спуск.

Вышли в душный летний сумрак. Максим больше не удивлялся ни отсутствию антенн, ни густо покрывающим улицы коровьим лепешкам. Сосредоточился на том, чтобы не плюхнуться в неудобных сапогах в воняющую навозом грязь. Поддевка сама по себе была довольно тяжелая, и предательски позвякивающие соверены еще больше отягощали ее. Максим их так и не пересчитал.

То, что Максим сперва принял за деревню, оказалось окраиной довольно большого города. Полчаса спустя начались мощеные булыжником улицы. В темноте белели каменные дома и церкви. В центре даже было уличное освещение, но эти районы Миха предпочел обойти – сказал, в основном их большевики и патрулируют.

Нужный дом тоже был на окраине, но ближе к центру, чем тот, возле которого они встретились. Миха открыл скрипнувшую калитку, подошел к единственному светившемуся окну и постучал – три раза быстро, два – медленно. По занавеске мелькнула тень, и минуту спустя дверь приот-

крылась. Через заставленные хозяйственной утварью темные сени путники прошли в просторную комнату. Обстановка здесь была побогаче, чем у Михи – стены обшиты досками и выкрашены, возле окна диван, посередине – накрытый белой скатертью стол.

– Рад видеть вас в добром здравии, господа, – впустивший их человек сдержанно улыбнулся. – Прошу вас, садитесь. Михаил Иванович, будьте любезны, представьте вашего спутника.

– Максим Ростиславцев, – коротко ответил Миха. – Тот самый связной, которого вы ждали.

– Рад знакомству, – Чаплин кивнул вежливо, хоть сам и не счел нужным представиться. – Как прошло ваше путешествие?

– Благодарю вас, вполне благополучно, – Максим порадовался, что на бизнес-тренингах научился быстро подстраиваться под стиль речи собеседника, “говорить с каждым на его языке”. – Документы и золото при мне, позвольте вручить их вам…

Пока Чаплин читал письмо, Максим извлекал из-за уже вспоротой подкладки монеты и одновременно вполглаза разглядывал офицера. Отчасти из-за комичной фамилии, отчасти из-за отношения Михи он ожидал увидеть туповатого солдафона, вроде капитана Смоллетта из “Острова сокровищ”. Но Чаплин выглядел серьезным и спокойным человеком. Ростом он был даже ниже Михи, но щуплым не вы-

глядел, скорее жилистым и очень опасным. В острых чертах чисто выбритого лица сквозили энергия и уверенность в себе. Максим приметил на столе рядом с керосиновой лампой журнал на английском языке, раскрытый на странице с чертежами каких-то орудий.

– Превосходно, – Чаплин дочитал письмо и окинул столбики монет взглядом, но пересчитывать не стал. – Британия не оставила своего офицера! Я ведь на английской подводной лодке служил, вот и запросил у консула содействия в деле восстановления русской армии. Господин Ростиславцев, благодаря вашей храбрости мы теперь имеем все возможности для осуществления плана по свержению власти большевиков в Архангельске. В самом скором времени я и мои люди выдвинемся на вашу, господин Бечин, родину. Избавление от власти кровавых выродков уже близко. По иронии судьбы вчера в полуверсте отсюда, в особняке на Екатерининской Дворянской улице, посол США отказал наркому иностранных дел Чичерину в международном признании советского правительства. Поэтому американский дипломатический корпус также отбывает в Архангельск. Эта северная провинция обретает поистине историческое значение.

– Очень… того-этого… отрадно слышать, вот, – Миха сидел, не опираясь на спинку дивана, и неловко сжимал ладони коленями. – Историческое значение – это здорово, конечно, но нам бы гнид-большевиков скинуть и хлебушком на зиму разжиться. Но пускай будет и историческое значение. Поче-

му нет.

– Однако, прежде чем мы отправимся в Архангельск, необходимо завершить здесь одно дело, – продолжал Чаплин. – Буду весьма вам благодарен за содействие, у меня тут всего три офицера. Из донесений наших агентов я узнал, что большевики, похоже, готовят провокацию. Как и много где, получить большинство в Советах через честные выборы они не могут, народ их не поддерживает.

– Да уж, – вздохнул Миха. – В Шенкурске эти гады дважды крестьянский съезд разгоняли, пока третий состав от безнадеги не утвердил наконец большевистский исполком. А в Холмогорах и вовсе пальбу по народу открыли, потом под дулами винтовок их “избирали”.

Максим смутно припомнил, что в школьном курсе истории этот период назывался “триумфальным шествием Советской власти”. Видимо, на деле оно было не таким уж и триумфальным.

– Есть основания полагать, что в Вологде будет происходить нечто в таком духе, – кивнул Чаплин. – Наши информаторы обнаружили, что недавно сюда прибыли чрезвычайно подозрительные люди. Их пятеро, и серьезного вооружения при них не замечено. Они изо всех сил скрываются, причем настолько топорно, что ЧК наверняка в курсе, однако ничего не предпринимает. Если это большевистская провокация, мы обязаны задавить ее в зародыше, раз есть такая возможность. Намерен сегодня же навестить их и выяснить, кто они

и с какой целью прибыли в Вологду.

Максим секунду поколебался, затем кивнул. Он смутно понимал, какого плана провокации Чаплин ожидает от неизвестных подозрительных людей, но офицер явно лучше разбирался в местной обстановке, чем свежий попаданец, оттого Максим решил ему помогать.

– Господа, я рассчитываю на ваше содействие, – продолжил Чаплин. – Стрелять вам, скорее всего, не придется, это возьмем на себя мы, военные. Да и в целом стрельба нежелательна, она может привлечь совершенно ненужное нам внимание. Потому требуется повысить численность отряда, чтобы напугать возможного противника и уменьшить вероятность сопротивления.

Максим и Миха переглянулись.

– Что же, раз надо, значит, надо, – неохотно выдавил Миха. – Мы с товарищем Ростиславцевым за печью отсиживаться не станем, покуда вы врага бьете. Не таковские мы.

Глава 3. Подобно Минину и Пожарскому

Июль 1918 года

Вышли по серому рассвету. Трое присоединившихся к ним людей носили штатское, но осанка и манеры выдавали их с головой, как и Чаплина. Идти было недалеко, и повезло никого по дороге не встретить, хотя собаки в каждом дворе лаяли так, что и мертвеца могли бы поднять. Максим думал, что и у Михи, и у Чаплина с конспирацией дела обстоят из рук вон плохо. Никто из них даже не проверил у связного документы. Хотя в паспорте не было фотографии, и графа “особые приметы” осталась пустой, зато имелась подпись оригинального Ростиславцева – слегка похожая на подпись Максима, но вот так сходу подделать ее он не смог бы. Да что там, он и просто перьевой ручкой писать не умеет. Однако Михе хватило того, что некогда какие-то товарищи показали ему фотокарточку, а Чаплин удовлетворился ручательством Михи. Заговорщики спокойно вываливали Максиму все свои планы, даже не задумавшись, что он может оказаться двойным агентом. Интересно, почему грозная ЧК до сих пор не вычислила этих доморощенных джеймсбондов? Наверно, там тоже дефицит квалифицированных кадров, да и

в целом Советская власть еще слаба.

Подозрительные личности обосновались в красивом доме с резными наличниками и деревянным кружевом по карнизу. Дом был электрифицирован – к нему тянулись провода, и свет в окне горел ярче, чем у Чаплина. Входная дверь оказалась не заперта. Все достали оружие. Ладони Максима вспотели, пальцы плохо слушались. Неужели сейчас в самом деле придется стрелять? В людей?

Здесь была довольно просторная прихожая, однако когда все заговорщики туда вошли, мигом сделалось тесно. Чаплин показал раскрытую ладонь, это интуитивно считывалось как знак “выжидаем”.

Из-за двери доносился громкий голос – видимо, принадлежащий немолодому мужчине:

– Аграрные преобразования необходимо вводить в действие незамедлительно! Откладывать решение земельного вопроса смерти подобно!

Ему ответил кто-то менее громогласный – слов разобрать не удалось.

– Вот в этом-то, товарищи, большевики нас и обходят! – провозгласил старик. – Пока мы откладываем жизненно важные вопросы до созыва Второго Учредительного собрания, они порабощают народ вооруженной силой взбунтовавшихся солдат и в то же время туманят ему голову безответственными обещаниями!

Чаплин жестом приказал всем приготовиться и резким ударом плеча выбил дверь. Офицеры ворвались в комнату, Максим с Михой – следом за ними.

За заваленным бумагами столом сидели четверо мужчин и еще один, седобородый, стоял, возвышаясь над ними. В воздухе висел густой табачный дух.

– Не двигаться! – приказал Чаплин. – Держать руки так, чтоб я их видел!

Трое из сидевших поспешно подняли руки, демонстрируя пустые ладони. Старик замер, гневно глядя исподлобья. Кучерявый молодой мужчина вскочил на ноги, выхватил пистолет. Максим, оказавшийся ближе всех, перехватил его руку и резко вздернул вверх. Выстрел пришелся в потолок, посыпалась щепа. Барабанные перепонки обожгло болью, в ушах зазвенело. Кучерявый свободной рукой ударил Максима под дых. Максим зашипел, но держащую оружие руку не выпустил. Тут вмешался один из офицеров, ударил кучерявого, обезоружил, повалил на пол, придавил коленом, заломил руку за спину. Тот зашипел сквозь стиснутые зубы.

Сквозь гул в ушах Максим расслышал призыв старца, повторенный, возможно, не в первый раз:

– Остановите насилие! – старик торжественно протянул вперед раскрытые ладони. – Господа чекисты, эти люди оказались здесь случайно, они просто квартируют здесь. Вам нужен я. Я – Николай Чайковский, депутат Учредительного Собрания.

Выглядел однофамилец композитора внушительно, по-библейски даже: благородная седая борода, суровый пронзительный взгляд из-под сведенных на переносице густых бровей. Признание его было шито белыми нитками – слишком явно все пятеро занимались одним делом – но все равно готовность принять огонь на себя впечатляла.

– К-как вы нас назвали? – Чаплин на миг утратил невозмутимость. – Чекисты?

– Или какое ведомство у вас нынче занимается истреблением инакомыслящих? Плохо разбираюсь в ваших совдеповских структурах.

– Та-ак… – Чаплин думал секунды полторы, не больше. – Рейт, отпустите этого человека. Приношу извинения за столь бесцеремонное вторжение всем, – кивок в сторону кучерявого, – и вам в особенности. Господин Чайковский, вы ведь состоите в “Союзе возрождения России”?

– Я являюсь одним из его учредителей, – гордо ответил старик. – Скрывать это нет смысла, ваша Чека уже в курсе. Вам нужен я, а этих непричастных людей отпустите.

Офицер отпустил кучерявого и подал ему руку, чтобы помочь встать. Кучерявый демонстративно отверг помощь и поднялся сам, злобно сверкая черными глазами.

Чаплин махнул, приказывая своим людям опустить оружие, и сказал:

– Видите ли, мы не чекисты! Произошло недоразумение, меня неверно информировали. Дело в том, что я и сам

сотрудничаю с “Союзом возрождения России”. Позвольте представиться…

Чаплин назвал себя и своих офицеров. Максима и Миху представил просто “местными общественными деятелями”, без имен. Сидевшие за столом в свою очередь назвались. У кучерявого фамилия оказалась под стать характеру – Лихач. Он презрительно щурился, однако когда офицер вернул пистолет, убрал его в карман.

– Должен сказать, это большая удача, что мы разыскали вас, прежде чем чекисты, – сказал Чаплин. – Если позволите, я предложил бы вам завтра же передислоцироваться на другую квартиру. Раз этот адрес сделался известен моей агентуре, следовательно, он скомпрометирован. Куда вы планируете отправиться из Вологды?

– В Уфу. Я и мои товарищи намерены принять участие в работе Директории, – ответил старик. – Хоть большевики и разогнали Учредительное собрание, а после разгромили наш московский штаб, мы не намерены предавать народ, который избрал нас. Будет сформировано новое правительство…

Максим в очередной раз удивился простоте и доверчивости этих людей. Они никак друг друга не проверили!

– Вы действуете под руководством Савинкова?

– Отнюдь! – возгласил Чайковский. – Мы не имеем ничего общего с этим авантюристом, запятнавшим себя террором. Его организация – “Союз защиты Родины и Свободы”. Наш “Союз возрождения России” к ней отношения не имеет.

Максим проморгался. Сколько же у белых разнообразных союзов? Немудрено, что они сами в них путаются. И нет бы объединиться против общей беды – только ругаются между собой. Хорошо еще, сейчас друг друга не перестреляли в суматохе. Четкий все-таки мужик этот Чаплин.

– Поднятые Савинковым восстания в Рыбинске и Муроме захлебнулись, Ярославль тоже со дня на день падет, – продолжал Чайковский. – Нет, мы не намерены, как говорят в народе, пороть горячку. Действовать мы станем планомерно, строго на законных основаниях, как представители всенародно избранного Учредительного собрания…

– Превосходно! – Чаплин в ажитации заходил по комнате. – Господа, само Провидение устроило нашу встречу! Представители передовой российской общественности, не связанные с сомнительными авантюрными прожектами – в тот час, когда русская армия как никогда нуждается в содействии именно таких людей! Господа, я зову вас с собой в Архангельск. После того, как мы свергнем власть большевиков, нам понадобится правительство из людей достойных, избранников народа.

– В Архангельск? – изумленно переспросил Чайковский. – Но это же… глушь. Разве там будут решаться судьбы Родины и Революции?

– Уверяю вас, именно там! Потому что там планируют высадить войска наши союзники, чтобы дать отпор немцам и большевикам, их гнусным пособникам, предателям

Отечества. Союзные державы в это трудное время по-братски помогут нам восстановить целостность и независимость России. Необходимы представители патриотической общественности, которые возглавят эти переговоры, придадут им легитимность. Вы согласны, господа?

Чайковский посмотрел на сидящих за столом людей. Они принялись растерянно переглядываться. Только Лихач так и стоял у стены, скрестив руки перед собой, и яростно пырился в пространство.

– Это весьма неожиданное предложение, – сказал наконец немолодой мужчина, который, даже сидя, опирался на трость. – Нам необходимо посовещаться.

Чаплин навис над столом и подался вперед всем корпусом; несмотря на маленький рост, выглядел он в эту минуту весьма внушительно.

– Разумеется, я знаю, что требую от вас быстро принять важнейшее решение. Но мы живем в судьбоносные времена. Знаете, сам я по убеждениям монархист, но отдаю себе отчет в том, что старого порядка в настоящих условиях не вернуть. Однажды час пробьет и, как встарь, в сердце страны, в освобожденной Москве, свободный русский народ изберет себе достойное правительство. Наша задача – довести до этого.

– Что же, раз в вашем лице я вижу поборника подлинного народовластия… – протянул Чайковский.

– Вот и представители местной общественности присоединяются к моему призыву! – Чаплин, не глядя, махнул в

сторону Михи с Максимом.

Миха откашлялся:

– Да, конечно, это будет огромная честь для нас, госп… товарищ Чайковский. В Архангельске многие поддерживают вашу трудовую партию. И все, о чем капитан Чаплин говорил… братская помощь союзников, народовластие… это замечательно. Но нам бы хлеба прежде всего, урожай в этом году был бедный…

– Да-да, разумеется, нужды населения мы учтем, – бросил Чаплин, так и не посмотрев на Миху. Обращался он к Чайковскому и его товарищам. – И имейте в виду, господа, путь в Сибирь долог и весьма опасен, а беспрепятственный проезд в Архангельск я берусь устроить.

Сидящие за столом переглянулись, и по тому, как изменились выражения их лиц, Максим догадался, что этот аргумент, видимо, оказался решающим. Миха тяжело вздохнул. Похоже, организацией переезда, щедро обещанного Чаплиным, предстояло заниматься ему.

– Мы обсудим ваше предложение и примем решение в течение недели, – сказал Чайковский.

– Увы, господа, о таких сроках не может быть и речи. Мы сильно рискуем, задерживаясь в большевистской Вологде. Здесь я не могу обеспечить вам безопасность. Буду ждать ваш ответ завтра к вечеру. Он имеет огромное значение. С Севера мы можем начать возрождать Россию, подобно Минину и Пожарскому!

Мужчины смотрели друг на друга – седобородый старик и жилистый воин. По иронии судьбы оба они носили фамилии людей, которые в будущем станут куда более знамениты, чем они сами. Впрочем, напомнил себе Максим, это в том будущем, откуда он прибыл. Здесь, быть может, противостоящие большевикам силы сплотятся, и история пойдет по другому пути. Эти два человека многого смогут добиться, если станут действовать сообща. А Максим сделает все, что только в его силах, чтобы им помочь – если, конечно, их цели действительно таковы, какими заявлены.

Все обменялись рукопожатиями, только Лихач так и стоял со скрещенными на груди руками и злобно смотрел на Максима. Похоже, еще даже не разобравшись в том, что здесь происходит, Максим уже успел обзавестись личным врагом.

– И кстати, к вопросу о безопасности, – встрял Миха. – Товарищ Чайковский, ваш портрет часто появлялся в газетах в последнее время… Нужно, чтобы вы изменили внешность. Иначе заарестуют вас на вокзале, и вся недолга.

Собравшиеся в изумлении воззрились на Миху, будто он ляпнул что-то непристойное. Еще бы, перебил возвышенную беседу о спасении Отечества… Максим понял, что коротышке нужна поддержка, и сказал:

– Например, вы можете покрасить бороду!

Чайковский воззрился на них с оскорбленным видом, но тут же вдруг по-мальчишески улыбнулся:

– А вы ведь дело говорите, товарищ! Не ожидал, что при-

дется вести себя подобно герою шпионского романа… Значит, в мои преклонные годы меня все еще ждут приключения! Будьте любезны, товарищи, организуйте мне краску.

Глава 4. И прочие непонятные иностранные штуки

Июль 1918 года

– Миха, ты совсем рехнулся, такое писать?

Бечин с невинным видом развел руками. Максим развернул свежий номер “Архангельска” и с выражением зачитал:

– “Население Архангельска теперь делится на буржуев и большевиков. Буржуи занимаются саботажем, спекуляцией, контрреволюцией, а по ночам устраивают заговоры против советской власти. В свою очередь, большевики заняты реквизициями, аннулированиями, национализациями и прочими непонятными иностранными штуками”. Миха, ты совсем страх потерял? И как только советская газета это опубликовала?

– Как… да обыкновенно. Надо было полосу заполнить, вот и опубликовала.

Прежде Миха был не только председателем профсоюза докеров, но и возглавлял городскую биржу труда. В Архангельске его знала каждая собака, потому теперь он без проблем пристроился репортером в городскую газету, а Максиму нашел место в типографии. В свете предстоящего переворота обе позиции могли оказаться в числе ключевых. Кро-

ме того, нужен был и заработок. Пачка унаследованных от первого Ростиславцева купюр – их называли “керенками” – стремительно таяла. Принимали их неохотно, и цены отличались от дореволюционных, знакомых Максиму по статьям “как хорошо жили при царе простые рабочие”, на пару порядков. Наряду с керенками ходили местные северные деньги, “моржовки”, отпечатанные большевиками в начале 1918 года, и они обесценивались так же быстро.

Сейчас Максим с Михой сидели в относительно чистой чайной на главной улице. К чаю здесь подавали постный сахар и калитки – открытые пирожки из ржаной муки с ягодной начинкой.

– А что, цензуру большевики не установили?

– Да какое там… Они бы, может, и хотели, только бодливой корове бог рогов не дает. За всю идеологическую работу в губернии дамочка одна отвечает, не большевичка даже – левая эсерка. Собирала она пару раз редакционные митинги, распекала нас, пошто-де слабо освещаем роль революционного пролетариата, не воспитываем классовое сознание – ну, вся эта трескотня. Наши бьют себя пяткой в грудь, что прониклись классовой борьбой по самое не балуйся, а дальше пишут кто как привык.

– А не закроют газету вашу?

– Дак как закроют? Где тогда станут декреты свои бесконечные печатать? Да она вообще незлая баба, Маруся-то, помогает нам даже. Главреда нашего, доктора Мефодиева, аре-

стовать хотели, в контрреволюционной, того-этого, деятельности подозревали, он же из кадетов. Так Маруська его отстояла – незаменимый, мол, кадр, и вся недолга. Жаль, что такая славная девка связалась с большевистской мразью.

Максим глянул в маленькое засиженное мухами окно. Оттуда открывался вид на серые воды гавани. Остовы лодок, мачты и снасти, причалы и склады, и даже грязные улицы за ними превосходно просматривались, хотя час был поздний – здесь, на Севере, летом толком не темнело.

Задерживаться в Вологде не стали – отправились в Архангельск на третий день после судьбоносной встречи. Отъезд, как Максим и ожидал, организовывал Миха. В Вологде у него сыскалась куча знакомых в самых разных местах, и с помощью пары золотых из переданного Чаплину запаса он устроил всем билеты на поезд. Максим был на подхвате и изо всех сил пытался понять, как тут делаются дела, как держат себя и общаются люди разных сословий – словом, усваивал писанные и неписанные законы.

Офицеры и политики отправились первым классом, а Максим с Михой – третьим. Вагон до боли напоминал древнюю, с деревянными еще сидениями электричку в час пик, вот только ехать пришлось сутки. От дыма махорки щипало глаза – до запрета на курение в общественных местах оставалось еще почти сто лет. Гвалт, ругань, вонь немытых тел, повсюду орущие дети и, вишенкой на торте, протащенная

в вагон упрямым крестьянином коза… В Архангельск Максим приехал вконец ошалевший, а пришлось еще дожидаться очереди на паром. Вокзал здесь располагался на противоположном от города берегу широченной реки – вроде бы, Северной Двины.

В общем, Максим уснул бы прямо на деревянном причале, наплевав на сырость и сомнительного вида публику вокруг, но Миха, которого, кажется, путешествие вовсе даже не утомило, отвел его в дом вдовы, сдающей комнаты. Проспав в застеленной ветхим, зато накрахмаленным бельем постели часов десять, Максим пришел в себя и стал осматриваться.

Если бы он всю жизнь провел в городском комфорте двадцать первого века, адаптироваться было бы тяжело. По счастью, мать регулярно сплавляла его на лето к бабушке в деревню, потому бытовые реалии этого времени культурного шока не вызвали. Максим быстро свыкся и с деревянным нужником, и с курами во дворе, и с жестяным рукомойником и мятым тазом для ежедневной гигиены. Чтобы помыться как следует, приходилось посещать общественные бани. Они располагались в кирпичных строениях с ажурными водосточными трубами и асфальтовым полом – он считался гигиеничнее, чем деревянный. Однако внутри было довольно грязно и людно, потому Максим раскошеливался на частный кабинет в отделении, которое по старой памяти называли дворянским. Удалось привести в порядок ногти, а также

постричься – при бане работал цирюльник.

К дому, где Максим квартировал, тянулись провода. Год назад сюда еще подавали электричество, но теперь не все городские подстанции работали. Пришлось привыкать к керосиновой лампе; поначалу Максим выжигал дорогущее топливо в бешеных количествах, но потом приноровился прикручивать фитилек для экономии.

Хозяйка, вертлявая дамочка лет сорока с проступающими из-под обильного слоя пудры остатками былой красоты, нуждалась в деньгах, а керенки еще кое-как сходили за оные, потому многие бытовые вопросы решились легко. За дополнительную плату вдова предложила постояльцу двухразовое питание и стирку, а заодно взялась пошить два комплекта носильного белья – исподнего, как здесь говорили. Обрадованная повышением доходов вдовушка изнамекалась, что готова также помочь гостю избавиться от мужского одиночества – вовсе даже безо всякой оплаты, исключительно по доброте душевной. Максим подобную щедрость не оценил и сперва прикидывался ветошью, но вдова не унималась, так что пришлось как бы невзначай обронить, что он-де чрезвычайно счастлив в браке и прибытия супруги своей ожидает со дня на день.

В первый же день Максим разыскал аптеку и обзавелся бруском земляничного мыла, зубным порошком и щеткой. У уличного разносчика прикупил бритвенный станок и

комплект лезвий – похожими когда-то пользовался дедушка. Жизнь стала налаживаться. Раздражали разве что неудобная одежда с грубыми швами и особенно обувь – Максим привык к легким качественным вещам двадцать первого века. Концепцию портянок удалось освоить не сразу. Но жесткие сапоги по крайней мере прилично сидели на ноге, не натирали; как здесь говорили – и то хлеб. Сперва Максим считал их кирзачами, но потом пригляделся – натуральная кожа, хоть и грубо выделанная; осторожно проверил – слова “кирза” здесь никто не знал.

Некоторые обычаи этого времени отличались от того, что обитатель двадцать первого века считал само собой разумеющимся. Так, однажды Максим вышел на улицу и долго не мог понять, отчего прохожие косятся на него, а некоторые кривят губы и вскидывают брови. Несколько раз осмотрел свою одежду – вроде все на месте, смотрится прилично. Потер ладонями лицо – нет, сажей не вымазался, пока самовар растапливал. Что же с ним не так? Максим стал анализировать окружающих, пытаясь понять, чем отличается от них. Наконец догадался: все, как один, на улице носили головные уборы, причем независимо от погоды. Мужчина с непокрытой головой воспринимался как убогий дурачок, а женщину, пожалуй, приняли бы за проститутку. Исторические фильмы Максима к такому не подготовили, в них-то локоны героев обоих полов свободно развевались на ветру, и никто не видел в этом ничего непристойного!

Еще Максим с удивлением понял, что ростом превосходит подавляющее большинство людей начала двадцатого века. В родном времени со своими 182 сантиметрами он был разве что чуть выше среднего, а здесь возвышался почти надо всеми. Миха, которого Максим сходу обозвал про себя коротышкой, был на самом-то деле среднего для своего времени роста. Многие женщины и вовсе едва доходили Максиму до плеча. Даже в приличных заведениях, таких как эта чайная, приходилось склоняться в дверях, чтобы не стукнуться о притолоку.

Скоро Максим подметил, что на него заглядываются женщины – и не только бабы, но и дамы с барышнями, хоть он и носит одежду небогатого мещанина. В родном времени подобного не было – Максим давно смирился, что внешность ему досталась неяркая, ординарная. Конечно, в провинции девицы проявляли внимание к столичному менеджеру, но волновал их не столько он сам, сколько надежда через близость с ним улучшить свою жизнь; а чтобы заинтересовать девушку без материальных проблем, приходилось прикладывать некоторые усилия. Здесь же встреченные на улице женщины смотрели на него чуть дольше приличного, а после поспешно отводили глаза. Поразмыслив, Максим догадался, что это не он внезапно похорошел, а люди в среднем выглядят куда хуже, чем в его время. Отсутствующие или кривые зубы, жидкие волосы, оспины на лицах, косоглазие… Максим раньше не задумывался, насколько внешняя привлека-

тельность зависит от питания и доступа к медицине. А ведь на старинных фотографиях, которые он любил рассматривать в интернете, люди смотрелись красивыми; видимо, дело в том, что хотя до изобретения фотошопа было еще далеко, фотографы умели выставлять свет и не пренебрегали ретушью.

Работа наборщика оказалась нудной, но несложной: знай себе укладывай металлические брусочки с выпуклыми печатными знаками – они назывались литеры – в строки, из которых метранпаж потом верстал страницы. С буквами проблем не возникало, только к ятям привыкнуть удалось не сразу, а вот какой пунктуатор соответствует какой литере, пришлось поразбираться; но Максим умел быстро осваивать новую информацию, менеджеру без этого никак. Ручной набор уже считался устаревшей технологией, метранпажи жаловались, что в Архангельске нет прогрессивных наборных машин – линотипов или монотипов – которые позволяли набирать текст при помощи клавиатуры.

По крайней мере обещание восьмичасового рабочего дня большевики сдержали, так что однообразный труд не слишком выматывал. Правда, жалованье не платили, только обещали со дня на день. Впрочем, похоже, никому не платили уже несколько месяцев, и не только в типографии – всем муниципальным служащим. А пачка керенок стремительно таяла.

В целом Максим устроился в прошлом если не с комфортом, то вполне приемлемо. Даже неловко – словно он жизнью наслаждаться сюда прибыл, а не бороться за лучшее будущее для своей страны.

– Ну когда же, когда мы уже выступим? – спросил Максим, как только отошел официант – здесь их называли половыми. – Большевики медленно, но верно закрепляются в губернии. Ребята в типографии говорили, на днях в Ворзогорах священника арестовали, а как народ за оружие взялся – пулеметами покрошили. Почему мы это терпим? Чего ждем?

– Да вот союзничков ждем, едрить их налево! – Миха досадливо поморщился. – Британцы дважды высадку десанта переносили. Передают, у них хворь какая-то уже чуть не на половине кораблей… эта, как ее, инфлюэнца испанская. Нашли время болеть, чертовы неженки! А без союзников никак, у нас тут и пяти сотен штыков не наберется, это ежели всех считать: и Чаплинских офицеров, и наши рабочие отряды, и из уездов кто успеет подойти. А у большевиков – три тыщи, шутка ли.

– А Чаплин с Чайковским такими решительными выглядели! Пока они телятся, власть большевиков на Севере крепчает…

– А вот это вряд ли, – Миха откусил от калитки и запил чаем, смачно причмокивая. – Нашла коса на камень… Знаешь, что в Романове творится? Тьфу, он же Мурманск теперь, все время забываю. Так там большевистский председатель край-

совета, Юрьев его фамилия, сам переговоры с союзниками ведет. Потому что немецкие суда у их берегов шляются, как к себе в нужник, и плевать хотели на Брестский мир. Из-за них рыбалки нет, так что жрать нечего. А на рейде стоит британский корабль, груженный хлебом. Ну крайсовет и решил, что Москва далеко, а своя рубашка ближе к телу. Советское правительство Юрьева этого аж целым врагом народа уже объявило, а поделать-то ничего не может, руки коротки… А у нас в Архангельске большевики против центра не рыпаются, все на помощь от него надеются. Только шиш им, там своих забот полон рот. У меня кум на телеграфе служит, так рассказывал, наш исполком в центр каждый день написывает – “Помогите да помогите”. Москва отвечает: “Проводите террор”. Наши им – “На террор сил нет”.

Максим кивнул. Действительно, красного террора, о котором он столько читал, в Архангельске не наблюдалось. Чаплин и Чайковский с компанией спокойно жили в центральной гостинице, и никто по их души не являлся.

– Многих красных командиров Чаплин уже на нашу сторону переманил. Ну как красных – обычные офицеры Императорской армии это. Многие из них в Красную армию пошли, чтобы хоть под большевиками, но всяко продолжить немца бить, потому Брестский мир им как серпом по яйцам. Так что верных людей у большевиков тут мало. На Мудьюге стоит артиллерия ихняя, но у британцев самолеты есть, так что выбьют ее.

Мудьюг оказался всего лишь большим островом в дельте Северной Двины.

– Так что скоро мы вернем себе свою землю, Максимко, – Миха, смачно присербывая, допил чай. – Вот союзники подойдут – и выбьем большевиков. И не мы одни, вся Россия против них подымется.

– Слушай, а Чайковский этот, он из каких вообще? – рискнул спросить Максим. – Ну, в смысле, программа какая у него?

Миха уставился на него так, что Максим тут же пожалел о своем вопросе. Похоже, про Чайковского не знать было невозможно… Но раз это такой известный в своем времени человек, почему у Максима его фамилия ассоциируется исключительно с даже здесь уже давно покойным композитором?

Миха нахмурился, словно заподозрил что-то, но потом рассмеялся, хлопнув себя ладонями по коленям.

– Экий дремучий ты, Максимко… Пошто дедушку русской революции не знаешь?

– Это Ленина, что ли? – растерялся Максим.

– Ну и шуточки у тебя, товарищ! Но при Чайковском лучше про Ленина не шутить, у них священная ненависть к большевикам – вопрос зверски серьезный. Губители революции, позор для всех социалистов, и вся недолга.

Максим не понял, почему по словам Михи выходит, что Чайковский вроде бы за революцию. Белые же должны быть,

наоборот, контрреволюционерами. Но, кажется, прямо задавать этот вопрос не стоило, даже безалаберному Михе такая неосведомленность могла показаться подозрительной. Надо найти другой способ получить информацию.

– А как думаешь, Чаплин в курсе вообще, что Чайковский – социалист?

– Да кто ж его разберет, – пожал плечами Миха, болтая ложечкой в стакане из-под чая. – Офицерам же при царе запрещали политикой заниматься, так что один бог знает, чего у них в головах. Я и сам, того-этого, большего ожидал от Чайковского грешным делом… Пытался с ним потолковать, как хлеб по уездам развозить станем, а он все больше о судьбах Родины и Революции печется. Ну да деваться некуда. Чайковский в Учредиловку был избран, партию народных социалистов основал, то есть какой-никакой, а всероссийский политик. С ним будет сподручно дела вести и с Директорией в Уфе, и с союзниками. Образуем правительство, а там… авось кривая вывезет. Взять власть – это ж полдела только, ее еще применить бы на благо народа…

Максим подумал, что проблемы надо решать по мере их поступления.

– Ясно-понятно… Когда власть-то брать будем?

– Скоро, Максимко, скоро. Будь наготове. У нас повсюду свои люди, и все ждут отмашки. Недолго комиссарам осталось здесь царствовать. Настанет наш день. Тебя известят.

***

Смена уже закончилась, но недавно Максим обнаружил, что в закутке при типографии хранится газетный архив. Никого не волновало, что один из наборщиков после работы в нем копается. Максим часами перебирал желтоватые листы, пытаясь разобраться в политической реальности, в которой как рыбы в воде чувствовали себя все – кроме него. По счастью, в 1917 году проходили выборы в Учредительное собрание, так что информации о партиях и их программах в печати хватало.

Самой популярной партией в Архангельской губернии были социалисты-революционеры, в обиходе эсеры. Они и набрали на выборах большинство. Максим помнил о них только услышанную когда-то поговорку “эсер без бомбы – не эсер”, но выяснилось, что это давно уже не актуально. От индивидуального террора как метода политической борьбы эта партия отказалась еще в 1905 году, хотя отдельные группировки что-то взрывали аж до 1907. Но даже в те годы основным занятием эсеров была работа с крестьянством: организация кооперации, просвещение, воспитание. В народе эсеровские лозунги понимались просто: “Земля и воля”, хотя в Архангельске они скорее звучали как “Лес и воля” и “Море и воля”. Эсеры учили, что все, с чего живут крестьяне, должно принадлежать им; естественно, крестьянам это нравилось, потому они за эсеров и голосовали. А вот национализацию фабрик эсеры, в отличие от большевиков, не поддерживали, здесь их программа ограничивалась введением

рабочего контроля – который действительно появился здесь с февраля 17-го и действовал до сих пор, большевики его не отменяли.

Еще выяснилось, что эсеры и левые эсеры – это совершенно разные движения, так же, как меньшевики и большевики. Левые эсеры откололись от основной партии, примкнули к большевикам и действовали с ними заодно.

Либеральные центристские партии, октябристы и кадеты, были существенно менее популярны, чем умеренные социалисты. Они выступали за демократические преобразования, но на частную и государственную собственность не покушались.

Где-то по логике должны были существовать и правые, и монархисты, но никаких следов их деятельности в Архангельской губернии Максим не нашел. Они не выдвигали своих кандидатов на выборы, не обращались к народу, не выступали в поддержку свергнутого царя – вообще ничего не делали. Правда, в феврале правые партии были запрещены и распущены, но социалисты-то были запрещены до февраля всю дорогу, и это только укрепило их. Вообще монархия была крайне непопулярна, царя называли не иначе как Николашкой, и многие, произнося это имя, сплевывали. Справедливо или нет, но и в тяготах военного времени, и в развале армии, и вообще во всех бедах страны обвиняли персонально Государя Императора. Известие о его расстреле уже появилось в газетах – правда, о судьбе царской семьи боль-

шевики умолчали – и особой реакции в народе не вызвало. Похоже, понял Максим, в двадцать первом веке и фигура последнего императора, и сама идея монархии стали гораздо привлекательнее, чем были для людей, испытавших это все на своей шкуре. Даже ненависть к большевикам не тянула за собой ностальгии по монархии, напротив: их злодеяния сравнивали с беспределом царских жандармов.

Многие работники типографии, да и просто люди на улицах, носили приколотые к груди красные банты. Но это не было, как сперва решил Максим, выражением преданности большевикам – мода на революционную символику пошла с февраля. Людям были близки идеи эсеров, предлагавших землю и волю, и меньшевиков, стоящих за социалистические преобразования без диктатуры и террора.

День, когда воплощение этих идей сделалось возможным, настал первого августа. Хотя никто Максима и не известил.

Глава 5. Дискуссия о цели жизни

Август 1918 года

Кроме политических новостей, газеты писали о местных событиях разного плана – от хозяйственных до культурных. Эту информацию Максим тоже поглощал, сам толком не понимая, для пользы дела или просто из любопытства.

Сейчас он читал о мероприятии, называемом “литературный суд”.

Союз учащихся средних учебных заведений предполагает в пятницу 26 апреля в 6 часов в здании городской думы инсценировать “литературный суд” по поводу романа Толстого "Анна Каренина". Героиню будут судить за ее отношение к семье. Будет поставлен вопрос, можно ли считать Анну ответственной за разрушение брака? Имелось ли у Анны достаточно веское основание кончать самоубийством?

В "суде" выступят по делу обвинители и защитник. Будут избраны и присяжные. Недостает только комиссара с красногвардейцами, который бы разогнал суд и учредил революционный трибунал.

Такого плана мероприятия проводились нередко – возможно, они в некотором роде сделались предтечами телевизионных ток-шоу. Едкие шуточки в адрес комиссаров тоже были в печати обычным делом. Это радовало: раз над совет-

ской властью смеются, значит, по-настоящему ее еще не боятся.

Рядом лязгал типографский станок, Максим привык к нему и почти не обращал внимания на этот шум. Когда станок замолкал, становились слышны разговоры рабочих второй смены – архив отгораживался от типографии всего лишь занавеской. Максим вернулся к газете и узнал, что перемыванием косточек литературным героям учащиеся Архангельска не ограничивались. Далее статья сообщала:

Союз учащихся не так давно проводил дискуссию о цели жизни. По рассказам, дискуссия прошла удачно.

Не успел Максим порадоваться за прогрессивных учащихся – он-то цели своей жизни так до сих пор и не нашел – как из коридора донеслись тяжелые шаги и лязг металла. Максим тихо подошел к занавеске и заглянул в щель. В типографию ворвалась женщина, за ней – двое солдат с винтовками. Латыши, самые лояльные большевикам бойцы в городе.

– Товарищи, срочное задание от Исполкома! – голос женщины был высоким и звонким, в нем сквозило напряжение. – Что бы вы сейчас ни набирали, немедленно это отложите!

– При всем уважении, никак не возможно, сударыня, – басовито ответил метранпаж, он же старший по смене. – “Архангельск” должен поступить в печать в срок, мы и так уже отстаем от графика на…

– Дело безотлагательное! – перебила женщина. – Подо-

ждет ваша газета! В городе контрреволюционный мятеж! Нужно срочно обратиться к населению! Приказ Исполкома!

Рабочие хмуро смотрели на полузаполненные гранки. Если сейчас прервать эту работу и начать новую, весь дневной труд, считай, пойдет насмарку.

– Премиальные в тройном размере! – нашлась женщина.

Максим никогда ее прежде не видел, но понял, кто она. В Исполкоме служила всего одна женщина, левая эсерка Мария Донова – Миха по-свойски звал ее Марусей, но, скорее всего, только за глаза. Максим ожидал, что комиссарша окажется разбитной бабенкой в кожанке и с прилипшей к губе папиросой, из тех, что путаются с матросней. Но это была девушка в наглухо закрытом черном платье и волосами, собранными в тугой узел на затылке.

Метранпаж переглянулся с наборщиками.

– Ну, раз в тройном… давайте текст.

– Нет текста! С голоса моего набирайте.

Метранпаж возмущенно всплеснул руками:

– Никак не возможно! Работа только по машинописному тексту!

– Возможно! – отрезала Донова. – Необходимо, а следовательно, возможно. Все по местам! Диктую.

Латыши синхронно, словно по команде, взяли винтовки наизготовку. Ладони Максима вспотели, рука сама схватилась за наган. Он знал, что оружие есть не только у него – времена неспокойные, многие носят револьвер или пистолет,

благо закон не запрещает.

Наборщики нехотя, словно по принуждению, вернули на места уже использованные для газетной полосы литеры и приготовились набирать новые строки.

Донова пару секунд кусала губы, сосредоточенно глядя в потолок, потом ровным голосом, без интонаций, принялась выдавать текст:

– Товарищи, восклицательный знак. Белогвардейцы подняли мятеж запятая чтобы впустить в Архангельск иноземных захватчиков точка. Они заблокируют железную дорогу и отрежут нас от поставок хлеба точка. Все на защиту родной земли и власти Советов восклицательный знак. Пункты сбора добровольцев…

– Не так быстро! – возопил метранпаж. – Ничего в нашем деле не понимаете, а туда же, лезете приказывать! Текст по строкам сперва набирается. Сейчас по слуху разбивать буду. Повторите медленно…

Максим, до сих пор никем не замеченный за занавеской, сжал рукоять нагана. Эта женщина говорила по-настоящему опасные вещи. Если бы она ограничилась трескучими большевистскими лозунгами, это ни на кого бы не подействовало. Но она била по больному. За хлеб, даже за обещание хлеба архангельцы станут драться насмерть, и многие ли сразу разберутся, что никакого продовольствия по железной дороге большевики не подвозили и не собираются…

Как пресечь это, как предотвратить сопротивление ино-

странным войскам? Застрелить Донову? Но тогда латыши убьют Максима, а после откроют огонь по рабочим. Черт с ней, с его жизнью, но как же скверно будет начинать с кровопролития, да еще такого напрасного…

Наборщики хмуро переглядывались и медленно укладывали литеры. Метранпаж заглядывал им через плечо, почти у каждого находил ошибки и заставлял переделывать. Работа не спорилась – типографы всегда набирали текст с машинописного листа, а не со слуха. Но, похоже, дело было не только в этом. Люди не хотели выполнять этот приказ.

Максим лихорадочно соображал. Плохо, что не его смена, там он со всеми перезнакомился, а среди этих только одного парня знал, здоровяка Леху. Что им сказать? Про судьбы Отечества, гражданский долг, битву за свободу? Не то! Большевики приведут страну к гибели? Так то когда еще. Надо, как Донова – о том, что этим людям важно прямо сейчас…

Максим выступил из-за занавески. Один из латышей повернулся и взял его на прицел.

– Тройные премиальные она обещает, – обратился Максим к наборщикам. – А жалованье мы когда в последний раз видели? Сколько уже тех обещаний выслушали, одно другого слаще?

Все прекратили набор и смотрели теперь на него.

– Три месяца с хлеба на квас перебиваемся, – повысил голос Максим. – У Лехи вон жена в прачки пошла, чтоб семью кормить. Потому что хоть не платят ни шиша, а уйти со

службы нельзя – мигом под мобилизацию загремишь. Такую вот нам большевички принесли свободу!

Белоглазый латыш плавно оттянул затвор, досылая патрон.

– Не стрелять! – приказала Донова. – Товарищ Молот…

Максим понял внезапно, что она обращается к нему.

Что? Какой еще товарищ Молот?.. А, не до того! На него глядят прямо сейчас два десятка глаз – не считая нацеленных стволов в руках латышей.

Максим сосредоточился:

– Чего еще нам наобещали большевики? Мира и хлеба? А что принесли? Войну и голод!

Внезапно здоровяк Леха вскочил с места, опрокинув ящик с литерами – кусочки металла рассыпались по полу. За ним – медленно, неуверенно, но все же – начали подниматься другие.

Донова подскочила к Максиму, схватила за плечи, развернула к себе, закричала прямо в лицо:

– Да что ты творишь, товарищ Молот?! Мы думали, ты погиб, а ты… Ладно, после. Теперь помоги! Британцы прошли Мудьюг! Нужно напечатать призыв, нужно отстоять Архангельск!

Девушка вцепилась в него так, что даже сквозь плотную ткань пиджака было больно. Максим схватил ее за запястья и оторвал от себя. Что дальше? Оттолкнул – осторожно, чтобы она не упала и латыши не открыли огонь.

Здоровяк Леха выкрикнул за спиной:

– Жалованье наше где?! Чем мне детей кормить?

Наборщики поддержали его:

– Поперек горла уже ваши обещания!

– Большевики хуже англичан!

– Да что там, хуже царя!

– В раба превратили рабочего человека!

– Вали отсюдова, пока цела, подстилка большевистская!

Максим и Донова не отрываясь смотрели в глаза друг другу.

– Да что с тобой, Максим? – выдохнула Донова. – Господи, это же… предательство. Почему?! За что ты так со мной?

О чем она говорит? Не важно, разберемся позже. Сейчас главное – обойтись без кровопролития. Максим краем глаза отметил, что руки стоящих за его спиной людей тянутся к карманам. Что у них там – пистолеты, кастеты, ножи? Оба латыша, не меняясь в лице, держали толпу под прицелом.

– По своим, по рабочим людям стрелять прикажешь, Маруся?

Донова тяжело дышала. С ответом она не нашлась.

– Вам не удержать Архангельска, – продолжал Максим. – Нет здесь вашей власти. Никто за вами не пойдет. Вы проиграли. Забирай своих латышей и уходи.

Надо бы ее арестовать, но тогда точно начнется стрельба, латыши пощады не просят и не ждут.

– Уходи, – жестко сказал Максим. – Ты можешь еще

успеть скрыться.

– Предатель! – выплюнула Донова ему в лицо, резко развернулась и вышла. Латыши синхронно шагали за ней.

Рабочие, постепенно остывая, разошлись по типографии. За станок никто больше не садился. Седой метранпаж, покряхтывая, собирал рассыпанные по грязному полу литеры.

***

В дельту Северной Двины вошли десятки кораблей. Многие из них были раскрашены безумным, нелогичным, вырвиглазным образом – словно бы ими дали поиграться художнику-абстракционисту. От этого их строгие мощные силуэты не воспринимались глазом. Позже Максим узнал, что в том и был смысл – это называлось “ослепляющий камуфляж”, и разрабатывали его действительно художники-абстракционисты.

Стройные ряды иностранных воинов шагали от пристани по Троицкому проспекту. Возглавлял шествие шумный оркестр, одних только барабанов в нем было пять штук.

Около половины десанта составляли англичане. Над двумя отрядами поменьше реяли французский и канадский флаги. Флаг четвертого отряда был совсем странным – на четверть британский юнион джек, остальное пространство хаотично усеяно разноразмерными звездами; оказалось, сюда каким-то образом занесло австралийцев. Ждали еще аме-

риканцев, но их десант задержался – теперь он должен был прибыть через месяц.

Каждый союзный отряд носил форму своего оттенка: горчичного, оливкового, хаки. Французы были одеты в серо-голубое; после Максим узнал, что этот цвет носит романтическое название "блю оризон" – “голубой горизонт”. Канадцы щеголяли коричневыми кожаными жилетами. На многих были какие-то перевязи, патронные сумки, разгрузочные жилеты. На головах – фуражки, лихо заломленные набок береты или каски с широкими, как у дамских шляпок, полями. На ногах обычно не сапоги, а высокие ботинки на шнуровке. Все это выглядело стильным, удобным и эргономичным – куда более, с точки зрения Максима, современным, чем снаряжение русских солдат, которых ему доводилось видеть.

Места для публики на самом проспекте осталось мало, но люди толпились на набережной и прилегающих улицах, смотрели через решетки оград, забирались на крыши домов. Некий местный художник принёс мольберт и старательно зарисовывал прибывающих союзников. Настроение царило праздничное, все надели лучшее, что у них было. Нестройные, но искренние приветственные выкрики не смолкали.

Власть большевиков в Архангельске пала за считанные часы, почти без сопротивления. Три тысячи штыков без боя сдались пяти сотням восставших. Молва сильно преувеличила численность союзного десанта – ходили слухи, что высадится более 9000 интервентов. Максим хохотнул про себя

– over 9000, и тут же пожалел, что не с кем поделиться этой шуткой. В действительности высадилось две тысячи солдат и офицеров; на параде все они имели бравый вид, однако скоро выяснилось, что в Россию направляли в основном контингент второго сорта – едва оправившийся после ранений и формально пригодный только для несения гарнизонной службы. Так что получилось, что большевики оставили город главным образом из-за слухов. Британцы взяли Мудьюг, расстреляв его артиллерию с гидропланов – защитники острова сдаваться отказались. Красные капитаны затопили в фарватере два ледокола, пытаясь перекрыть путь союзникам, но не достигли успеха. Попытка распространить призыв к борьбе с захватчиками провалилась, командующий войсками РККА Кедров случайно оказался в Москве – и далее большевики не думали о борьбе, только бежали, спасая собственные шкуры. Это им чаще всего не удавалось, настрадавшиеся от них обыватели создавали отряды преследования. Максим видел, как большевиков вели по улицам – избитых, связанных. Архангельская городская тюрьма переполнилась за один день.

Союзники вошли в уже празднующий освобождение город. Максим стоял в толпе, но ее радостным настроением заразиться не мог. Его мысли занимала Маруся Донова – вернее, то, что она успела сказать.

С самого начала Максим поражался доверчивости и беспечности заговорщиков. Того, что он принес золото и документы, да еще заочной рекомендации от “Союза возрожде-

ния России” с лихвой хватило, чтобы начать безоговорочно ему доверять. Не только простоватый Миха, но и Чаплин с Чайковским спокойно обсуждали с ним и при нем свои планы, сообщали адреса складов с оружием, которое планировалось раздать населению, и имена красных командиров, поддержавших идею восстания. Максим думал всякий раз, что будь он двойным агентом, заговор удалось бы придушить в зародыше. И вот, оказывается, товарищ Ростиславцев двойным агентом и был – тот Ростиславцев, который исчез неведомо куда перед явочной квартирой в Вологде, и тут же его место занял растерянный путешественник во времени.

Ну надо же, товарищ Молот…

Выходит, уже само появление Максима в прошлом сделало возможным захват власти в Архангельске, то есть изменило историю. Следовательно, здесь история может пойти по другому пути, Белое движение на Севере получило шанс. Значит, в этой ветке реальности все-таки возможно защитить страну от большевиков?

Это воодушевляло, однако сама ситуация оставляла нехороший осадок. Так уж вышло, что он подвел человека, который ждал от него помощи. Пусть это не его вина, пусть Маруся сражается за неправое дело, а он – за сто раз правое… Все равно мерзко получилось. Впрочем, сейчас были и более насущные проблемы. Максим слышал, что Донова арестована – скрыться она то ли не успела, то ли не пожелала. Рано или поздно ее допросят, и что если она назовет фами-

лию Ростиславцева среди пособников большевиков? Пусть ему удалось предотвратить преступление предшественника, как бы не пришлось отвечать за его грехи…

– Товарищ Ростиславцев, вас-то я и ищу! – лысый немолодой мужчина с ленинской бородкой и в теплом не по сезону пальто положил Максиму руку на плечо. – Послушайте, мы тут час назад образовали Верховное управление Северной области. И так сложилось, что я в нем возглавляю отдел юстиции. Мне требуются толковые помощники, и я решил предложить вам должность комиссара по особым поручениям.

Максим напряг профессиональную память на лица и имена и сообразил, откуда знает этого человека: он был в Вологде вместе с Чайковским. Фамилия его – Гуковский. Во время той безобразной драки он не поднялся из-за стола… неудивительно, ведь он тяжело опирается на трость, она нужна ему явно не в качестве модного аксессуара.

Войска союзников уже прошли, оставив множество следов в густой уличной грязи. Праздничная толпа тоже рассеялась. Максим и Гуковский стояли на тротуаре вдвоем.

– Это несколько неожиданно, – протянул Максим. – Могу я поинтересоваться, откуда такое доверие к моей скромной персоне?

– Охотно объясню, – Гуковский говорил очень ровно, будто бы о чем-то обыкновенном и даже скучном. – У меня нет особых причин доверять вам. Однако у меня меньше при-

чин не доверять вам, нежели другим доступным кандидатам. Местные деятели станут, как это заведено, лоббировать интересы своих группировок, а у меня совершенно нет ни времени, ни желания в это вникать. А вы от “Союза возрождения России”, в местных дрязги не погружены, золото доставили по назначению вместо того, чтобы присвоить. Это дает основания считать вас человеком надежным. Ну, какие времена, такие и основания.

Максим чуть улыбнулся. Гуковский говорил скучным бесцветным голосом, однако был явно не чужд иронии. Похоже, они могут сработаться.

– Вы где-то служите? – спросил Гуковский.

– Да, в типографии…

– А, так это вы устроили там бунт? Весьма своевременно. Если бы большевики успели опубликовать воззвание, наш переворот мог бы оказаться вовсе не таким бескровным. Однако теперь с типографией управятся и без вас. Вы согласны помочь работе управления юстиции?

– Да, я очень хочу быть полезен. Это для меня огромная честь…

– Жду вас завтра к девяти утра. Дом с башенкой напротив пожарного управления с каланчой. На пересечении Троицкого проспекта с Полицейской улицей, она, вроде, теперь называется улица Свободы. Вопросы жалования и довольствия решим на месте. Нужно незамедлительно установить по всей области законность и порядок. Не опаздывайте.

Глава 6. Побочный эффект мировой войны

Август 1918 года

Вход союзных войск в Архангельск оказался праздником только в самый первый день.

По дороге на новую службу Максим увидел британских солдат, выносящих мебель из особняка. Улицы в центре города были мощеные, но все равно их покрывала грязь, в которую сейчас сгружали обтянутый ярким шелком диван.

– Кто вам позволил? – орала на солдат пожилая дама в сложного кроя платье, но без шляпки. – Как вы посмели? В этом доме жили и умерли мои дед и отец! Мой супруг владеет лесопильной фабрикой! А ну немедленно поставьте на место торшер, он стоит…

Немолодой лейтенант тяжко вздохнул, снял на пару секунд фуражку, чтобы вытереть пот со лба, и сказал на чистейшем английском языке:

– Сожалею, леди, здание определено под штаб британского командования. Личное распоряжение генерала Пуля.

– Извольте объясниться так, чтобы я вас поняла! – взвилась дама. Она, разумеется, говорила по-русски. – Где ваше начальство? Немедленно вызовите его сюда!

Максим перевел даме слова лейтенанта.

– С какой стати генерал, кем бы он ни был, Пуль распоряжается моим имуществом? – не унималась дама. – Я буду жаловаться в…

Она замялась. Максим понимал ее – в это суматошное время никто не знал толком, куда, кому и на кого жаловаться.

– Будьте любезны сообщить леди, – попросил Максима лейтенант, – что российским подданным будет выплачена компенсация за использование их имущества для нужд британской армии.

Максим перевел, но даму это не успокоило. Видимо, за последнее время местные жители если чего и получали от разных властей в избытке, так это обещаний.

– Даже большевики оставили за нами четверть дома! – возопила дама.

Пока Максим колебался, переводить это или нет, ситуация изменилась. Солдаты разом бросили шифоньер, который тащили, и вытянулись во фрунт. Максим обернулся и проследил за их взглядами. На широкое мраморное крыльцо вышел подтянутый немолодой мужчина. Носил он то же, что и все британские офицеры – форму цвета хаки с большими удобными карманами, но у его фуражки был алый околыш и алая же с дубовыми листьями петлица на воротнике. Лицом он напомнил Максиму популярного в его детстве генерала Лебедя – те же грубые, преувеличественно мужественные черты. Это был Пуль – командующий не только британ-

ским десантом, но и всеми войсками союзников в Северной области.

– Лейтенант, доложите ситуацию, – приказал генерал на английском языке, естественно.

– Эта леди является владелицей здания, сэр! – отрапортовал лейтенант. – Она не согласна получить компенсацию, сэр!

– Даже большевики не осмелились выселить нас на улицу! – накинулась на генерала отчаявшаяся дама. – Неужели вы окажетесь хуже этих бандитов?!

– Найдите переводчика, – приказал генерал. Лейтенант умоляюще посмотрел на Максима.

– Позвольте мне оказать содействие, – вмешался Максим и перевел слова дамы. Формулировки он из жалости к старушке смягчил, но смысл передал.

– Узнайте у леди, сколько человек в ее семействе, – распорядился Пуль.

Максим перевел вопрос и ответ дамы: трое.

– Лейтенант, выделите владельцам четыре комнаты с отдельным входом, – приказал генерал и обернулся к Максиму. – Будьте любезны, проследуйте за мной.

Хотя слова генерала звучали как вежливая просьба, Максим сомневался, что ею можно было бы пренебречь. Но в любом случае связи с союзниками наладить стоило. Максим пошел следом за генералом через прежде богатый, а теперь полупустой дом. Видимо, недавно у большевиков тут было

какое-то управление, и помещение срочно освобождали от следов его деятельности. Под ногами валялись вытряхнутые из папок документы. Максим случайно наступил на Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов – крупный заголовок был отпечатан в дореволюционной орфографии.

В светлой просторной комнате, определенной Пулем под личный кабинет, уже царил безупречный порядок. На стене – парадный портрет мужчины, которого Максим с первого взгляда принял за Николая Второго, но он, конечно же, оказался британским королем Георгом Пятым. На столе мраморный с золотом набор письменных принадлежностей и рядом с ним – затейливая конструкция, в которой Максим, чуть подумав, опознал телефонный аппарат.

Генерал опустился в кресло, но гостю присесть не предложил.

– Позвольте представиться, – Максим решил проявить инициативу. – Мещанин Ростиславцев к вашим услугам.

– Какова ваша позиция в отношении происходящих с вашей страной событий, мистер Ростиславцев? – генерал не стал тратить время на small talk, сразу перешел к делу.

– Я патриот своего Отечества и стремлюсь к его скорейшему освобождению от узурпаторов-большевиков, – сказал Максим совершенно искренне, а потом добавил то, что, очевидно, было значимо для генерала: – И надеюсь, что Россия выполнит союзнические обязательства по войне с Германией в полном объеме.

– Рад слышать, – генерал снисходительно кивнул. – Совместными усилиями наши державы быстро разобьют немецких агентов, которые по досадному недоразумению взяли под контроль центральные области вашей страны. Этих bolsheviks, – генерал словно пробовал на вкус непривычное слово. – Побочный эффект мировой войны.

Максим задумался. Большевики, конечно же, были немецкими шпионами – и сейчас, и сто лет спустя об этом знали все; однако сводить их роль только к этому было недальновидно. Но вряд ли генерал Пуль был настроен выслушивать возражения. Он продолжил говорить:

– Люди, подобные вам, чрезвычайно нужны нашей миссии. Предлагаю вам поступить на службу в должности переводчика. Жалованье в британских фунтах, офицерский паек. Вы весьма удовлетворительно владеете английским языком, для аборигена это редкость. Хотя акцент я не распознаю. Вероятно, вам преподавал американец?

В действительности Максим занимался с уроженцем Лондона, но язык несколько изменился за сто лет. Приходилось постоянно напоминать себе, например, что привычные модальные формы вида have to или got еще не используются, вместо них в ходу shall и ought. Произношение некоторых слов тоже отличалось, и в употреблении артиклей были нюансы, которых он пока не понял. Если в родном времени Максим владел английским на крепком профессиональном уровне, то здесь откатился до среднего; впрочем, для Архан-

гельска и это было более чем прилично.

– Я в разных местах обучался языку, – ушел от прямого ответа Максим. – Ваше предложение – большая честь для меня, однако я вынужден его отклонить, поскольку уже поступил на службу в отдел юстиции Верховного управления Северной области.

– Ах да, местное правительство… – Пуль побарабанил пальцами по столу. – Что-то такое припоминаю. Хорошо, что оно имеется, это полезно. Надо не забыть направлять туда копии моих распоряжений. В городе необходимо поддерживать порядок. А вас, мистер Ростиславцев, я более не задерживаю.

***

Первым, что Максим встретил на новой службе, был скандал. Чаплин, красный, как советское знамя, орал на Гуковского:

– Почему это не мы можем просто взять и арестовать всех большевиков поголовно? Как это большевизм – не преступление? Не желаю этого слушать! С кем мы в таком случае сражаемся, если не с преступниками, позвольте спросить?!

Гуковский отвечал спокойным, скучным даже голосом:

– Большевизм есть столь неопределенное и неуловимое для юридической квалификации явление, что подведение его под те или другие статьи уголовного закона представляется совершенно невозможным.

– А убийство Государя, в котором сами большевики расписались в своих же газетах, квалификации поддаётся?

– Гражданин Романов от престола отрёкся? Отрёкся, в пользу своего брата Михаила. Уже больше года назад. А потому гражданин Романов на момент казни Государем именоваться не мог. Следовательно, о покушении на жизнь, здоровье, свободу и вообще неприкосновенность Священной Особы говорить никак невозможно….

– Но убийство-то было! Было ведь!

– Конечно, было. Только убийство – это статья 453-я, по ней до восьми лет каторги. Это никак не 99-я, о покушении на Священную Особу, предусматривающая смертную казнь…

Пока Гуковский разъяснял такие тонкости, Чаплин из красного становился белым.

– А что насчёт Октябрьского переворота? Может, и его не было? – спросил он подозрительно спокойным голосом.

– Переворот, да… Конечно, он был, это… посягательство на насильственное изменение образа правления… – Гуковский повёл рукой, показывая, что опускает формулировку. – Словом, это статья 100-я, там только смертная казнь.

– Так за чем дело стало?

– Видите ли, переворот в столице осуществляли совсем не те лица, которые были арестованы вчера в Архангельске…

– Но эти “лица” состояли с ними в одной банде! – процедил Чаплин. – Это – соучастники!

– Понимаю ход ваших мыслей, – Гуковский, кажется, входил в азарт. – Но статья 102-я тут неприменима! Она гласит о сообществе, составившемся для учинения данного преступления – а большевики такой цели при создании не заявляли. Формально…

Хотя до изобретения слова “троллинг” оставалось почти сто лет, ничего не мешало Гуковскому с удовольствием заниматься им уже сейчас.

– Вы слепы, глупы или попросту некомпетентны!? – орал Чаплин. – Все эти революционеры сами, в своей же печати излагали свои замыслы! Это же чистосердечное признание!

– Вы правы, конкретные лица излагали свои цели и намерения. Они покушались на совершение тяжких преступлений. За это они понесут всю полноту ответственности. Но заявления частных лиц, пусть даже занимающих высокие посты, не должны переносить ответственность на рядовых членов партий!

– Вы мне бросьте это крючкотворство! – Чаплин ударил кулаком по столу. – Городская тюрьма переполнена, пленные и подозрительные лица прибывают с каждым часом, а вы тут будете буквоедство разводить? Необходимо немедленно учредить военные трибуналы для оперативного решения большевистского вопроса!

– Вы еще чрезвычайку предложите создать, – сварливо ответил Гуковский. – Не можем мы казнить людей за сам факт состояния в политической партии, как вы не понимае-

те? Только за конкретные преступления, доказанные в установленном порядке. И даже вступление в РКП(б) еще ни о чем не свидетельствует. Я давеча беседовал с женщиной, которая записалась в большевики, потому что по городу прошел слух, будто партийным увеличат выдачу хлеба и ситца.

– Все они – изменники и предатели Отечества! – Чаплин брызгал слюной. – Расстреливать либо отправлять на каторгу надо прямо по партийным спискам!

– А где вы намерены взять эти партийные списки? – Гуковский приподнял бровь. – Может быть, в ЦК РКП(б) запрос отправим? Потому что, знаете ли, каждый крестьянин покажет на соседа, что тот является большевиком, потому только, что между семьями существует давний спор из-за полоски земли или конского приплода.

– Нам требуется действенное решение вопросов, а не эта либеральная демагогия!

– В самом деле? А почему же вы тогда препятствуете действенному решения вопроса в случае с поручиком фон Дрейром? Это ведь вы наняли ему адвоката.

Максим попытался припомнить, о ком речь. Тот корабль, который красные затопили возле Мудьюга, пытаясь перекрыть союзникам проход… кажется, им командовал некто фон Дрейер. Максим еще удивился, почему человек аристократического, судя по фамилии, происхождения воевал на стороне большевиков.

– Да при чем тут это? – Чаплин подобрался. – Я же говорю

про большевиков, а не про обманутых ими русских офицеров! Фон Дрейер ложно понял свой долг и подчинился преступному приказу. Он должен понести ответственность, его следует разжаловать, возможно, в низшие чины! Но нужно разбирательство, вероятно, он принял союзные корабли за немецкие и поэтому допустил ошибку.

– Ошибку? А я так понял, что если бы фон Дрейер точнее рассчитал место затопления ледокола, союзники не смогли бы высадиться в Архангельске, и тогда мы с вами тут бы не сидели. А про отношение к большевизму он показал на допросе…

– Вы не имели права допрашивать его без адвоката!

Гуковский закатил глаза:

– Вот видите, как только речь заходит о людях вашего круга, вы сразу вспоминаете про права, адвокатов и прочую, как вы изволили выразиться, “либеральную демагогию”. А не в том ли дело, что фон Дрейер – ваш двоюродный брат?

Ясно-понятно, подход “вы не понимаете, это другое” намного старше, чем соответствующий мем…

– Вы сейчас пытаетесь меня оскорбить, – сказал Чаплин неестественно спокойно. – Ваше счастье, что вы – калека… Я говорю про суровость в борьбе с большевиками именно потому, что из-за них наши офицеры попадают в такое положение.

В комнату вошел Чайковский со стаканом чая в руке. Чаплин воззвал к нему:

– Господин Чайковский, верните в чувство вашего сотрудника! Объясните, что в борьбе с большевизмом необходимы самые решительные меры!

Чайковский поболтал ложечкой в стакане, посмотрел в окно и раздумчиво произнес:

– Знаете, в чем парадокс нашего положения, товарищи? Те, с которыми мы боремся, тоже люди, не злодеи. Исторические условия поставили их в это положение. Положение ненормальное. Хорошо, пусть борьба будет направлена на эти условия, а значит, придется бороться и с лицами. Но не думайте, что нужно этих лиц ненавидеть. Давайте не уподобляться Марату, который рисовал аристократов подлинными вампирами. Нет, это люди, в которых нашло опору зло, но в них есть и много добра. Они любят, жалеют, они умеют умирать за свои идеи, как и мы за свою. И не думайте также, что вы и ваши идеи были осуществлением добродетели. Вы тоже люди. Боритесь за свою идею, но не осмеливайтесь забывать человека в вашем враге.

Закончив речь, Чайковский благостно улыбнулся и огляделся, будто бы ожидая аплодисментов. Чаплин сжал кулаки.

– Как случилось, что это я привел к власти таких никчемных людей? – пробормотал он себе под нос, развернулся на сто восемьдесят градусов и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Максим тупо уставился в окно. Оттуда открывался вид на длинную прямую улицу, заканчивающуюся серым пусты-

рем у границы города. Полудохлая кляча тащила перегруженную, вязнущую в грязи повозку. День едва перевалил за середину, а казалось, будто с утра прошло двое суток, не меньше.

– А вы, товарищ Ростиславцев, завтра отправляетесь в городскую тюрьму, – невозмутимо распорядился Гуковский. – Что вы так на меня смотрите? Я имею в виду, в качестве инспектора. Тюрьма в двух кварталах отсюда, на улице Свободы. Увидите цирк, а сразу за ним серое здание. Надеюсь, не перепутаете.

Максим понемногу начал привыкать к специфическому чувству юмора нового начальника. Шутил Гуковский неизменно с самым невозмутимым, скучным даже выражением лица.

– В чем моя задача?

– Жалобы идут, что арестованных держать негде. А ведь это губернская пересыльная тюрьма на три сотни мест. Полагаю, похватали вчера всех, кто под руку подвернулся. Выясните, предъявляют ли арестованным обвинения. Согласно закону это должно происходить в течение суток. Подготовьте список тех, кого задержали без оснований. А я пока займусь организацией штата общественных защитников. И еще, проверьте условия содержания заключенных и законность следственных процедур.

– По каким законам проверить законность?

– Отличный вопрос, весьма своевременный,– Гуковский

уже раскладывал по столу перед собой какие-то папки. – По-хорошему вас бы надо отправить на курс уголовно-процессуального права. Месяцев на шесть, а лучше на год. Жаль, арестованные столько ждать не смогут. Остается надеяться, что как только вы увидите незаконные методы ведения следствия, то тут же узнаете их. Вопрос в том, сможете ли вы их пресечь.

Глава 7. Токсичные отношения в команде

Август 1918 года

Здание Архангельской тюрьмы

– Наследие проклятого большевистского режима, – в сотый, наверное, раз повторил комендант тюрьмы.

Максим уже не знал, от чего его тошнило сильнее: от пропитавшего здание запаха экскрементов – или от коменданта. При большевиках начальником тюрьмы служил латыш, переехавший теперь из обитого сосновыми панелями кабинета в одну из камер. Назначенный на его место надзиратель главное правило управленца знал и все проблемы сваливал на предшественника. Даже те, которые, очевидно, возникли только что.

Хотя всех, кого большевики арестовали по политическим мотивам, вчера выпустили, тюрьма была переполнена. В рассчитанных на дюжину заключенных камерах теснились по два десятка человек – а ведь англичане еще не подвезли пленных красноармейцев, взятых в бою за Мудьюг. Многие явно нуждались в медицинской помощи – при аресте с большевиками и их пособниками никто особо не церемонился. Некоторые бросались к инспектору, норовили схватить за

пуговицу и сбивчиво объясняли, что работали на большевиков не по своей воле, их заставили, а потом, семью-то кормить надо, а сами они целиком на стороне Государя Императора, или Учредительного собрания, или за кого теперь новая власть, они еще не разобрались, но уже всей душой поддерживают…

Необходимо провести десятки, сотни расследований… Кто будет этим всем заниматься? Сейчас на службу наскоро приняли десяток бывших полицейских, кого удалось разыскать; они сильнее всех настрадались от большевиков, так что особой гуманности ожидать от них не приходилось.

Полдня Максим провел в душной канцелярии, разбирая написанные на разномастных клочках бумаги прошения, апелляции, объяснения, доносы. Некоторых авторов вызывал к себе. Многих арестовали просто за то, что при большевиках они занимали те же должности, что и до большевиков – по крайней мере они клялись, что дело исключительно в этом. Некоторые сумели выслужиться при новой власти, но уверяли, что только за счет профессионализма. Третьи уверяли, что большевики вынудили их сотрудничать, а сами бы они никогда…

– И вот мы тут подготовили список задолженностей по жалованью, – суетился комендант. – Проклятые большевики два месяца сотрудникам не платили. До того дошло, что мы сами тюремную баланду хлебали, лишь бы ноги с голодухи не протянуть. Теперь-то… новая справедливая власть…

– Новая власть всем воздаст по справедливости, не переживайте, – мрачно сказал Максим и присоединил список к пухлой пачке прошений.

За день удалось разнести около тридцати фамилий по трем спискам – наверняка непричастных к большевистским злодеяниям, заведомо виновных и тех, кого следовало проверить. Конечно же, третий список оказался длиннее, чем два других вместе взятых. Но Максиму по работе приходилось иметь дело и с более проблемными проектами. Он мысленно уже наметил план работ по проверке сведений. Собрать бы еще команду…

Хотелось побыстрее покинуть грязное, душное, даже в эту теплую погоду отдающее могильным холодом здание. Но следовало сперва разыскать Донову и поговорить с ней. Выяснить, что ей известно о прошлом, которое Максим помимо своего желания унаследовал. В идеале – устроить так, чтобы никто больше об этом прошлом не узнал, хотя как добиться этого цивилизованными методами, Максим не представлял себе. Даже спрашивать о Доновой было рискованно – интерес к ней могли потом использовать как доказательство, что они связаны…

Однако спрашивать не пришлось.

– А вот здесь у нас допросные, – сказал комендант. – Господа следователи не щадя себя трудятся, домой вот разве что спать уходят и сразу назад. По горячим следам выявляют, кто из большевиков еще в городе прячется.

– Я отмечу это в донесении, – пообещал Максим. – Подготовьте список сотрудников…

Его прервал сдавленный женский крик. Максим толкнул дверь, из-за которой он донесся: заперто изнутри.

– Откройте немедленно, – приказал Максим. Ладони сами собой сжались в кулаки.

Комендант стал что-то орать в замочную скважину. Послышались неторопливые шаги, и дверь приоткрылась на ладонь.

– Ну, чего еще? – осведомился сварливый голос. – Работать мешаете, я уже почти…

Максим потерял терпение и ударил плечом в дверь. Петли жалобно скрипнули. Комната провоняла табачным дымом и еще чем-то мерзким, вроде пригоревшей еды. По центру на стуле сидела девушка с заведенными за спину руками. Блузка расстегнута, почти обнажая грудь. Серебряный крестик на суровой нити… какой странный аксессуар для революционерки. На коже – два… нет, три маленьких круглых ожога. На щеке – красное пятно, след недавнего удара. На губах кровь. Марусю Донову Максим узнал не сразу – она больше не выглядела ни строгой, ни сосредоточенной. Мокрые спутанные волосы наполовину закрывали лицо. А вот взгляд через них пробивался прежний – прямой и яростный.

– Немедленно прекратите! – выпалил Максим. – Вы за это ответите!

– Да кто вы такой? – дознаватель не спеша затянулся па-

пиросой. – Почему мешаете вести следствие?

Максим сунул ему подписанную Чайковским бумагу о назначении его комиссаром для особых поручений. Печати у Верховного управления Северной области еще не было.

– И чего? – спросил следователь, пробежав документ глазами. – С какого перепуга вы вмешиваетесь в допрос? Вы понимаете, что большевики уничтожили или вывезли партийные списки? А подозреваемая знает их всех, поименно. Хотите, чтобы эти мрази резвились на свободе, господин комиссар? А вместо них в тюрьме гнили непричастные?

– Я добиваюсь, чтобы следствие велось согласно закону, – проговорил Максим. – Пытки совершенно точно в число законных методов не входят.

– Три часа работы псу под хвост… – поморщился следователь.

– Вся ваша карьера псу под хвост! – взорвался Максим. – Я напишу на вас рапорт в управление юстиции. Раз мы воюем с мразью, тем важнее, чтобы сами мы не становились мразью! Хотя для вас, должно быть, уже поздно. Сейчас уходите. Я забираю себе дело этой заключенной.

– Подозреваемой, – следователь не выглядел напуганным, только раздраженным. – Ее статус сейчас – «подозреваемая». Могли бы потрудиться узнать это, господин комиссар, прежде чем влезать в дела следствия… Она же уже почти раскололась, они все раскалываются, как бы ни рисовались…

Маруся, тяжело дыша, переводила взгляд с одного собеседника на другого. Максим с трудом сдерживался, чтобы не ударить следователя. Только мысль, что тогда слова о законности будут звучать нелепо, останавливала его.

– Порыцарствовать решили, господин комиссар? – не унимался следователь. – Даму в беде выручить? Вы хоть знаете, что это за тварь и чем она занималась? Списки «старорежимных элементов» составляла для Чрезвычайки. Из них кого арестовали, а кого и сразу – во Мхи… Только из нашего участка троих честных служак порешили. Твари, как их земля только носит…

– А мало мы в вас стреляли! – выкрикнула Маруся, сплюнув кровь. – Говорили мне старшие товарищи – классового врага щадить нельзя! А я, дура, не слушала!

– Кто именно говорил? – следователь схватился за блокнот. – Фамилии, адреса, должности?

Маруся грязно выругалась. Следователь шагнул к ней, сжав кулаки.

– Так, хватит! – Максим встал между ними. – Я забираю это дело. Уходите.

Следователь презрительно скривился, не спеша собрал документы, прихватил папиросы и вышел, не потрудившись прикрыть за собой дверь. Максим жестом отослал коменданта, обошел стул и развязал девушке руки. Кожа под веревками превратилась в сплошную гематому. Огляделся, нашел ведро, зачерпнул ковшом чистую на вид воду и поднес Ма-

русе. Ее руки дрожали и с трудом удерживали ковш, вода полилась на колени. Максим закрыл наконец дверь.

Странно, что Маруся даже не пытается застегнуться. В каких они все-таки отношениях? Там, в типографии, она обращалась к нему, как к близкому человеку… Да, она, конечно, в его вкусе. Максим неслышно обматерил себя и оторвал взгляд от едва прикрытой мокрой блузкой груди. Маруся в шоке – в медицинском смысле, да и кто на ее месте не был бы? Максим снял поддевку, накинул девушке на плечи – она была такой хрупкой, что его одежда укутала ее полностью даже вместе со спинкой стула. Забрал опустевший ковш. Пододвинул второй стул, сел напротив, заглянул Марусе в глаза, спросил:

– Ты сейчас можешь разговаривать?

– Могу, – буркнула Маруся. – Только не буду. Не с тобой, предатель.

– То, что здесь сейчас произошло – это преступление, – терпеливо объяснил Максим. – Виновный, этот следователь, ответит по закону. Ты дашь против него показания?

– Не стану я вам давать показаний, никаких! Три часа это твердила!

Максим задумался. Работа с несговорчивыми клиентами приучила, что сперва надо любой ценой добиться сотрудничества хотя бы в самом незначительном вопросе. Одежда Маруси явно была в беспорядке, но что стало причиной этого, понять не удавалось. Максим решил зайти наудачу. Раз

такая красивая девушка оказалась совершенно беспомощной, наверняка кто-то попытался этим воспользоваться.

– Маруся, но ведь это неправильно, – Максим старался говорить как можно мягче. – Моя обязанность – навести здесь порядок. Были ведь не только пытки, верно?

Маруся оскалила зубы – на них тоже была кровь – и ничего не ответила.

– Я понимаю, что ты не хочешь нам помогать – ни в чем. Но подумай о других женщинах, которые могут попасть под следствие. Преступление не должно остаться безнаказанным. Даже те, кто нарушил закон, имеют право на защиту закона. Особенно женщины. Он ведь домогался тебя, этот следователь?

Маруся на несколько секунд опустила глаза. Должно быть, ненависть к предателю боролась в ней с тягой к справедливости.

– Не он, – нехотя сказала она наконец. – Другой. Рядовой надзиратель. Фамилии не знаю, но опознать легко: плешивый, щуплый, лишай через полчерепа. Руки распустил во время обыска… ну я терпеть не стала, врезала ему. До сих пор, должно быть, ходит враскорячку.

– За это-то тебя и избили? – Максим глубоко вздохнул. – За нападение на сотрудника?

– Во второй раз – за это. В третий – когда опознали мою визу на приговорах. Тогда уже побоялись, что не сдержатся и совсем убьют, потому… папиросами.

Она резко побледнела, отвернулась в сторону и наклонилась. Ее вывернуло кровью.

– Ясно-понятно, – сказал Максим. – У вас тут сложились токсичные отношения в команде.

– Ч-что?

– Не важно… Я перевожу тебя в больницу. Ради всего святого, хотя бы там веди себя прилично. Если тебя убьют, Гуковский меня со свету сживет, чтобы я это оформил согласно законам и подзаконным актам… – последние слова Максим выделил нарочито казенным тоном, пародируя своего непосредственного начальника.

Маруся усмехнулась, но тут же снова нахмурилась.

– Ты ведь все подстроил. Не воображай, я тебя насквозь вижу. Появился, как рыцарь-спаситель…Когда ты только успел стать такой дешевкой? Надеешься, я разрыдаюсь у тебя на груди и забуду, что ты сделал там, в типографии?

Максим быстро соображал, что ответить. Сказать, что смысла печатать воззвание все равно уже не было, и он решил внедриться в ряды противника? Шито белыми нитками. Маруся умна, в такую сказку не поверит.

Лучше объяснить как есть.

– Понимаю, ты видишь во мне предателя, Маруся. Но у меня были некоторые причины отречься от дела большевиков.

– Причины? – выплюнула Маруся.

– Да. Я многое передумал… Большевизм – это прежде

всего диктатура, причем никакого не пролетариата, а самой партии. Это террор, который не будет временной мерой, Маруся, он станет образом жизни…

– Да что за муха тебя укусила? – Маруся скривила окровавленные губы. – Тебе чего, видение свыше было?

– Ты и сама поймешь, что я прав, если посмотришь на вещи трезво…

– Да пошел ты! Я как раз смотрю на вещи трезво! И вижу, что помешанный на терроре садист здесь – ты! Ты приказал, чтобы меня избили, тушили об меня папиросы – и ради чего? Ради ответов на вопросы, которые тебе известны гораздо лучше, чем мне? Что я тебе сделала, за что ты мстишь?

Максим оторопел смотрел на девушку. Ее била крупная дрожь, она кричала, брызгая окровавленной слюной:

– Ты ведь был провокатором с самого начала, да!? Создал ячейку, завербовал нас, наладил сеть – затем только, чтобы все это сдать офицерью и построить завидную карьеру!? И меня не пожалел, всех использовал, до кого дотянулся… в голове не укладывается. Когда ты стал такой мразью, Максим? Какой же я была дурой, что… а, не важно теперь! Для кого ты ломаешь эту комедию!?

– Ты можешь добровольно дать показания и так облегчить свою участь, – тихо сказал Максим. – Ты ведь понимаешь, что это ничего не изменит, мне все известно.

– Да пошел ты! Не стану я играть роль в твоем паршивом спектакле! Не будет никаких показаний!

Она зажмурилась и сжалась, словно ожидая удара.

Маруся себя не контролирует, понял Максим; у нее сильный характер, но сейчас она на грани. Наверно, ее можно раскачать, запутать, надавить – заставить что-то выдать. Раз она полагает, что он все знает о подполье, причин скрывать информацию у нее нет…

Свежие пятна рвоты на полу. Рядом – бурые разводы, верно, небрежно подтертая кровь. От большевиков осталось или уже наши замарались? Да есть ли разница?

Слишком это все гнусно. Максим встал.

– Как знаешь, – сказал он ровно. – Отказ от показаний – твое право. Тебя никто больше не тронет, я лично буду вести твое дело. На следующем допросе расскажешь мне то, что сама сочтешь нужным. Подумай, это ведь в самом деле ничего не изменит, а у тебя вся жизнь впереди…

Повернулся и пошел к двери. Поддевку решил не забирать – ему все равно по статусу положено приличное пальто, как раз аванс утром выдали, а в тюрьме все пригодится, здесь сыро и холодно…

– А хорошо, что Катерина умерла, – зло бросила ему в спину Маруся. – Не узнает, за какую мразь замуж пошла.

Максим прикрыл глаза. Девушка все же сообщила то, что для него было важно. Паспортная отметка «состоит в браке» смутно беспокоила его все это время. Вдруг где-то ждет совершенно незнакомая женщина, считающая его самым близким человеком… или жена еще разыскала бы его, чего доб-

рого… Что же, значит, вдовец. Хорошо. Одной ответственностью меньше.

– И дай-то Бог Митька так и не узнает, что его отец – предатель!

Максим замер, забыв выдохнуть.

В двадцать первом веке у него не было ребенка. Мог бы быть, но Светка сделала аборт после той ссоры, и тогда он подал на развод. После сходился с женщинами только для безопасного секса без обязательств.

Обнаружил, что трясет Марусю за плечи так, что она закусила губу. Нельзя, ее же били только что… Максим разжал пальцы и спросил насколько смог ровным голосом:

– Где мой сын? Что с ним?

Маруся явно растерялась. Странно, в ее взгляде больше не было презрения или ненависти, а только что-то вроде жалости.

– Но… я же не знаю, откуда мне-то знать? Эк ты… распереживался. Не надо так, ни к чему… Советская власть не мстит детям, даже детям предателей…

– Чертова дура! – выпалил Максим ей в лицо. – Ничего-то ты не знаешь о своей ненаглядной Советской власти!

Глава 8. Всем оставаться на классовых позициях!

Август 1918 года

– Всем оставаться на местах! – Чаплин ворвался в зал заседаний Верховного управления с пистолетом наизготовку, за ним – еще четыре офицера. – Соблюдайте спокойствие!

Разумеется, этот призыв возымел противоположный эффект. Все повскакивали, засуетились, загалдели одновременно. Лихач и еще двое выхватили оружие. Гуковский, единственный оставшийся на месте, глянул на Максима и страдальчески закатил глаза. Заседание по вопросам принципов народовластия затянулось на два часа, и Максим все это время ждал начальника, чтобы утвердить состав и регламент работы комиссии по досудебной сортировке арестованных. Но Чайковский слишком увлекся пространными рассуждениями о природе социализма: настоящий-де социализм строится на любви и братстве, а не на классовом антагонизме интересов. А теперь еще вот это.

– В городе попытка большевистского переворота! – переорал всех Чаплин. – Волноваться не о чем, ситуация под контролем!

Максим уже не в первый раз подмечал в речи Чаплина ан-

глицизмы, еще не ставшие в русском языке общеупотребимыми – сказывался опыт службы в британском флоте. Да и теперь Чаплин предпочитал проводить время в штабе Пуля. В доме с башенкой после того спора с Гуковским он больше не появлялся. Зато теперь вошел эффектно, не поспоришь.

– А по каким признакам вы распознали большевистский переворот? – спросил Максим.

Он находился возле самой двери, потому Чаплин услышал его и напряженно ответил:

– На здании вывешен красный флаг!

– А, флаг, – удивился Чайковский. – Так это же мы его повесили.

Все как-то разом затихли и замерли. Повисла томительная пауза. На лице Чаплина отображалась яростная борьба аристократического воспитания с потребностью ярко и емко выразить нахлынувшие эмоции. Воспитание победило, Максим даже ощутил к капитану уважение.

– Но почему вы используете большевистскую символику, господа?

– Это не мы используем большевистскую символику, – Чайковский пригладил бороду, с которой еще не сошли следы конспиративной краски. – Это большевики узурпировали великую русскую революцию и ее символику.

На лице Чаплина заиграли желваки, но обратно на крик он чудовищным усилием воли не перешел:

– Здесь слишком много людей, которые привыкли стре-

лять во всех, кто выступает под красным флагом. Я хочу, чтобы сегодня же его тут не было. Чтобы нигде этой дряни не было! Мы признаем только триколор – национальный символ России.

Он развернулся и вышел. Офицеры двинулись за ним, чеканя шаг. Их проводили гробовым молчанием, а потом как ни в чем не бывало вернулись к прерванному обсуждению. Однако на другой день красные флаги исчезли все до единого. Открыто ссориться с военной властью ВУСО не стремилось.

Когда Максим пытался разобраться в системе ценностей своих новых коллег, вынесенные из двадцать первого века знания скорее мешали, чем помогали. Да, проще всего было бы решить, что поддерживать идеи какой бы то ни было революции могут или дураки, или предатели – ведь все знают, что революция не привела ни к чему хорошему. В своем времени Максим так и рассуждал, но теперь, когда жизнь связала его с революционерами, пришлось разбираться в том, что они под революцией понимают; ведь не то же, что большевики… Работа приучила, что в серьезных случаях сперва следует собрать и проанализировать всю доступную информацию и только потом уже выносить суждения.

Вроде бы когда-то Максим читал, что свергли царя не большевики, а какие-то другие деятели – в школьном курсе это скучно называлось буржуазно-демократической революцией – и кто-то из них даже вошел потом в Белое движе-

ние. Но все равно раньше Максим считал, что большевики были основной движущей силой событий 1917 года. Однако изнутри картина выглядела иначе. Подлинной революцией, давшей надежду на демократические свободы, здесь считали февральскую, а большевиков с их октябрьским переворотом – ее врагами и узурпаторами. «Углублением Революции Россия опозорена и может быть погублена, если мы ее не спасем», сказал как-то Чайковский. Этот благообразный старик оказался бывалым революционером; в молодости он колесил по стране, собирая деньги на оружие для свержения царской власти, а после пытался основать коммуну – почему-то в Америке. Другие члены ВУСО тоже имели опыт борьбы с самодержавием, ссылок и тюрем. Душнила Гуковский полтора года просидел в одиночной камере, а после переломал ноги, прыгнув с лестницы – намеревался покончить с собой, чтобы не спятить в заключении. Максим не ожидал, что белое правительство будет полностью состоять из революционеров! И не только на Севере – в Уфимскую Директорию тоже вошли в основном эсеры, избранные в разогнанное большевиками Учредительное Собрание.

Утешало только, что Чаплин, судя по всему, был столь же несведущ. Впрочем, в Российской Императорской армии многие восприняли отречение царя с облегчением. Господа офицеры полагали, что тяжкая ситуация на фронте – вина царского правительства, неспособного обеспечить свою армию средствами для ведения войны. Война двадцатого ве-

ка оказалась соревнованием не мудрых полководцев и мужественных солдат, а промышленных и логистических систем; и в офицерской среде многие полагали, что свой долг перед страной они выполняют, а страна их подводит. Но после февраля разложение армии ускорилось, Временное правительство же не навело порядок, а только усугубило хаос. Тогда многие офицеры вступили в Красную армию в надежде на продолжение главного дела своей жизни – войны с Германией. Брестский мир, заключенный большевиками на чудовищных для России условиях, стал для них тяжким ударом. С тех пор некоторые искали случая перейти к белым, чтобы сражаться с немцами и их агентами большевиками.

В этом ВУСО и военное командование сходились. Для Чайковского и его эсеров продолжение войны с Германией тоже было главной задачей – даже более важной, чем победа над большевиками, которых держали за германских агентов. Оказывается, социалисты вполне могут быть искренними патриотами.

Жили члены ВУСО коммуной в том же доме с башенкой, где и заседали. Питались из одного котла, хотя готовила и наводила порядок, разумеется, наемная прислуга. Максима звали присоединиться к коммуне, но он предпочел по-прежнему ночевать в доме вертлявой вдовушки. Надо сказать, что стряпала она весьма посредственно – в основном из-за скупости. Каждый день подавала жидкий суп, который неизменно называла ухой, вне зависимости от того, была там рыба

или нет. Но по крайней мере в доме было чисто, а в комнате можно было закрыться и отдохнуть от пропитавших помещения ВУСО табачного дыма и споров о судьбах России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.